А. ВЫШИНСКИЙ

СУД И КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД

ВЫШИНСКИЙ

СУД
И КАРАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1925

Ленинградский Гублит 11513. Печ. 10.000. экз.—5 л. Заказ № 717

1. ВВЕДЕНИЕ.

Право наказания.

Несмотря на то, что все прошлое человечества отмечено беспощадным применением всевозможных наказаний, среди ученых юристов, этих жрецов буржуазного права, не прекращаются горячие споры о том, имеет ли государство право наказывать виновных перед его законами преступников.

Нечего и говорить, что громадное большинство спорщиков стоит на точке зрения положительного решения этого вопроса, оправдывая «право наказания», принадлежащее государству, со всех сторон — юридической, нравственной и общественной. Сторонники этого взгляда доходят до того, что требуют признания за государством права наказания во что бы то ни стало: «Пусть погибнет мир, но торжествует юстиция».

Раз существует преступление, рассуждают они, должно существовать и наказание. Преступник, совершая преступление, нарушает, де, установленное в обществе равновесие, нарушает «гармонию» (согласие) общественных отношений. Наложение же наказания восстанавливает это нарушенное равновесие или эту якобы существующую гармонию. Если оставить преступление безнаказанным, то, очевидно, гармония не восстановится, оскорбленное чувство общественной нравственности не будет удовлетворено, и, таким образом, вдобавок к злу в виде преступления присоединится новое зло, в виде безнаказанности.

В подобного рода заблуждения впадали даже такие гениальные люди и выдающиеся философы, как, напр., Гегель, Кант, пытавшиеся оправдать уголовные законы,

издаваемые буржуазией, не классовыми интересами ее, как это имеет место в действительности, а разными высокими материями, вроде разума, нравственности, справедливости и т. д.

Но противники права наказания в защиту своей точки зрения тоже ссылаются на тот же самый разум, на ту же самую нравственность и справедливость.

Они так же, как и первые, взывают к чувству справедливости и благоразумия, утверждая, что государство не смеет наказывать преступника, что эшафот, тюрьма и каторга никогда не служили доброй службы и что «горе тому обществу, где палач является единственным профессором нравственности» [1]).

Сторонники этой точки зрения, оспаривая, таким образом, право государства наказывать, не останавливались даже перед тем, чтобы объявить наказание таким же преступлением, как и само преступление. Именно так смотрел на наказание и на все карательные учреждения, напр., Лев Толстой, давший в своем романе «Воскресенье» убийственную критику буржуазного суда и сделавший из этой критики вывод, что государство *вообще* не смеет наказывать и *вообще* может обойтись уже теперь без наказания.

Отрицание права наказания.

Вот как описывает Толстой то, что думал о наказании, о суде, о разных карательных учреждениях Неклюдов, один из главных героев «Воскресенья».

«...То, что в продолжение этих трех месяцев видел Неклюдов,—пишет Толстой,—представлялось ему в следующем виде: из всех живущих на воле людей, посредством суда и администрации, отбирались самые нервные, горячие, возбудимые, даровитые и сильные, и менее, чем другие, хитрые и осторожные люди, и люди эти никак не более виновные или опасные для общества, чем те, которые оставались на воле, во-первых, запирались в тюрьмы, этапы, каторги, где и содержались месяцами и годами

---

[1]) *Сен-Симон*. См. собр. его сочинений, перев. под ред. проф. Святловского.

в полной праздности, материальной обеспеченности и в удалении от природы, семьи, труда, т.-е. всех условий естественной и нравственной жизни человека».

Указав далее на те издевательства и унижения, которым подвергаются в буржуазных тюрьмах заключенные, на безумный разврат и сплошной ужас, царящий здесь, Толстой пишет: «Точно как будто была задана задача, думал Неклюдов, вникая в то, что делалось в острогах и этапах, — задача, как наиболее верным способом развратить как можно больше людей»...

В результате именно такого порядка вещей достигался единственный результат: «Сотни тысяч людей ежегодно доводились до высшей степени развращения и, когда они были вполне развращены, их выпускали на волю для того, чтобы они разносили усвоенное ими в тюрьмах развращение среди всего народа».

«В тюрьмах — Тюменьской, Екатеринбургской, Томской, и на этапах Неклюдов видел, как эта цель, которую, казалось, поставило себе общество, успешно достигалась. Люди — простые, обыкновенные, оставляли эти (т.-е. крестьянские, христианские,—говорит Толстой) понятия и усваивали новые, острожные, состоящие, главное, в том, что всякое поругание, насилие над человеческой личностью, всякое уничтожение ее позволено, когда оно выгодно. Люди, пожившие в тюрьме, всем существом своим узнавали, что, судя по тому, что происходит над ними, все те нравственные законы уважения, сострадания к человеку, которые проповедываются и церковными, и нравственными учителями, в действительности отменены, и что поэтому и им не следует держаться их» [1]).

Едва ли можно более проникновенно и тонко изобразить, действительно, то противообщественное, противонародное, противочеловеческое, что лежит в самом существе тюремного режима, установленного эксплуататорами для эксплуатируемых...

И Толстой тысячу раз прав, когда говорит, что здесь, в этих страшных острогах и этапах буржуазно-дворянского

---

[1]) Л. Толстой. Полное собр. сочин., т. 3.

государства бывают, большею частью, заперты самые сильные, самые даровитые и дельные люди, что здесь они развращаются и гибнут, заживо сгнивают и нравственно истлевают... Он прав и тогда, когда говорит, что «людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах, и заключается только в тайге»...

Ошибка Толстого.

Но какой вывод из всего этого делает Толстой? Только один: люди не смеют друг друга наказывать, ибо наказание есть тоже преступление...

Толстой не проникает в тайну наказания как средства и способа подчинения себе одним классом других классов. Он не сводит вопроса о наказании к вопросу о том, *кто* и *кого* наказывает, *кто* и *за что* наказывает. Он не ставит этих вопросов и не отвечает на них критикой того порядка вещей, при котором угнетатели развращают народные массы эксплуатацией и нищетой, бросают их в омут порока и преступлений, а затем расчетливо-хладнокровно убивают путем наказания «самых сильных, самых даровитых и дельных людей». Толстой, вместо того, чтобы отвергнуть *такое право наказания*, т.-е. право наказания буржуазии, отверг всякое право наказания. Он отвергает, в полном согласии со всем своим учением, и право трудящихся наказывать своих угнетателей!..

Но это-то и неверно, ибо говорить так, как Толстой, значит говорить, что люди не смеют бороться, не смеют побеждать, не смеют стремиться к осуществлению своих идеалов. Ибо идеалы добра и правды, как они понимаются трудовыми массами, никогда не осуществятся без борьбы, без победы и, след., без поражения для тех, над кем будет одержана эта победа. Но, если можно и нужно стремиться к победе, если нужно бороться и побеждать, то можно и нужно наказывать, если это требуется реальными условиями борьбы и государственного строительства.

Толстой, поставив карательную систему (систему наказаний) современного буржуазного общества в прямую связь с самым устройством этого общества, требует уничтожения карательной системы вообще. Выдвигая это требование, он вместе с тем настаивает на уничтожении всякого

насилия, всякой борьбы, во имя чего это насилие ни употреблялось бы. Ибо, говорит он, насилие — зло и как зло должно быть отвергнуто. В этом отношении Толстой подобен тому, кто, видя огонь разбушевавшегося пожара, пробует доказать вред огня вообще...

Нежизненно и утопично предполагать, что гнет государства может исчезнуть сразу, от одного только желания, от одних только справедливых слов проповедника.

В условиях жестокой действительности, когда происходит напряженная классовая борьба, проповедь Толстого способна сыграть самую вредную роль. Извращая историческую перспективу, она искажает представление о ходе общественного развития. Она внушает борющимся за свое освобождение трудящимся массам ложные представления об их задачах, и, вместо пробуждения в них бодрости и решимости, ослабляет их силы и лишает энергии. В самом деле, если нельзя наказывать вообще и если, следовательно, нельзя наказывать своих угнетателей, т.-е. причинять им насилие, то как же бороться с ними? Значит, нельзя и бороться. Но, если нельзя бороться, то, значит, нужно примириться со своей рабской участью и безропотно нести свои цепи...

Ставши на точку зрения Толстого в вопросе о наказании, было бы последовательно принять все его мировоззрение, отрицающее всякую борьбу, всякое насилие, революцию, диктатуру пролетариата и т. д. и т. д.

А это приводит к установлению анархических идеалов, безжизненность и непригодность которых давно доказана уроками истории.

Гораздо правильнее было бы рассматривать вопрос о преступлении и наказании не вообще, не безотносительно к тем или другим классам общества, а именно в связи с этими последними.

Вопрос о наказании с точки зрения коммунизма.

Научный социализм (коммунизм) именно так и рассматривает этот вопрос. Но в истории человеческой мысли мы имеем немало примеров того, как подобный же подход к данному вопросу усваивали и некоторые писатели - социалисты самого раннего периода, задолго до оформления научного социализма.

Так, напр., писатель XVI века, принадлежащий к школе социалистов-утопистов[1]), Томас Мор, написавший знаменитую «золотую книжечку» — «Утопию», говорил по данному вопросу следующее: «Правосудие Англии напоминает плохого учителя, который охотнее бьет ученика, чем учит его... Воров подвергают самым ужасным пыткам. Не лучше ли было бы обеспечить всем членам общества возможность существования, чтобы никто не был вынужден сначала красть, а потом быть лишенным жизни?» [2])

Томас Мор, таким образом, отлично видит, что преступления совершаются в связи с тем общественным устройством, которое «вынуждает» красть, а потом наказывает смертью. Для Мора наказание, в виду этого, превращается в бессмыслицу, а наказывающий (суд) — в плохого учителя, который больше бьет, чем учит.

С точки зрения Мора, наказание — это следствие дурного устройства общества. Другим следствием такого же дурного устройства общества является преступление. Но Мор из этого факта делает совершенно иной вывод, чем Толстой и анархисты: наказание неразумно не само по себе, а лишь в условиях неразумной общественной организации.

Поэтому нужно изменить эту общественную структуру (строение) так, чтобы богатые и знатные не могли угнетать, эксплуатировать, развращать, толкать на преступление, а потом наказывать...

Нельзя, следовательно, утверждать, что государство не имеет права наказывать. Но можно утверждать, что не имеет этого права буржуазное государство или помещичье, т.-е. такое государство, которое само виновато в существовании преступлений, за которые оно же и наказывает.

В самом деле, разве преступление рождается не в омуте эксплуатации и ужасающей бедности? Разве не гнет

---

[1]) Утопистами назыв. социалисты до-марксовского периода, строившие свое социал. учение не на основании законов общеcтв. развития (напр., развития капитализма), а на фантастических мечтаниях и произвольных, отвлеченных допущениях.

[2]) «Утопия» — «несуществующее место». Так назвал Мор свой роман, подчеркивая измышленность его содержания.

и паразитизм богатых являются повивальной бабкой злодейства и преступности бедных. Разве не самый строй общественных отношений, опирающихся на частную собственность и имущественное неравенство, создает целую армию нарушителей закона, ждущих жестокого и бессмысленного наказания?

Существующий общественный строй буржуазного мира — вот истинный источник всесветной преступности! Это стало давно непреложной истиной, как стало истиной и то, что все законы этого мира, все его право, и уголовное право, в частности, служат охране и защите интересов этого мира, защите интересов г о с п о д с т в у ю щ и х в этом мире к л а с с о в.

Вот почему так многочисленны и гневны голоса тех учителей коммунизма, которые с незапамятных времен поднимаются против этой «власти тьмы», против власти буржуазного закона, суда и наказания.

Уже в далекой древности они поняли и разоблачили тайну уголовного закона и уголовного наказания, как средства угнетения и несправедливости, как опору права собственности, как особого способа охранения собственниками своих привилегий.

Капиталистическое общество, основанное на частной собственности, характеризуется невиданным расцветом уголовной репрессии, уголовного наказания. В условиях капиталистического общества наказание является специальным орудием классового подавления. Оно исчезнет только с исчезновением питающего и вскармливающего его капитализма.

Однако, капитализм не может исчезнуть внезапно, ибо не внезапно он явился, но вырос в процессе развития хозяйственно-производственных отношений. Поэтому и процесс исчезновения наказания, как и процесс исчезновения преступления, подчинен действию объективных[1]) законов общественного развития. Только с победой пролетариата и идущих за ним трудящихся масс, только с ниспровержением диктатуры буржуазии и заменой ее диктатурой про-

---

[1]) Независящих от воли людей.

летариата, станет на очередь вопрос об уничтожении наказания, как тягчайшего наследия прошлого. Но и тут вопрос не может и не будет решен мановениеи волшебной палочки.

И после своего поражения капитализм долго будет оказывать новому строю отношений свое упорное сопротивление. Коммунизм будет медленно и упорно отбивать от старого мира позицию за позицией, особенно в той области, которая связана с нравственными чувствами, переживаниями, воззрениями. Много пройдет времени и понадобится много усилий, пока человечество освободится от плена старых привычек, недостатков, пороков.

Коммунизм заставит отмереть государство, говорят нам наши учителя. Со смертью государства умрут — преступление и наказание. Но этому моменту исчезновения государства и всех его учреждений предшествует длительный период, при котором общество примет совершенно новый характер, решительно отличающий его от старого общества, хотя и передавшего новому многие свои особенности.

Вот почему вопрос о преступлении и наказании в течение и того времени, которое следует непосредственно за падением капитализма, будет волновать умы, и совесть человека, будет иметь живое и практическое значение.

2. Цель и смысл карательной политики.

Цель наказания. Важнейший вопрос, который нужно было бы разрешить буржуазной науке в оправдание своей карательной политики, это — вопрос о цели и о смысле наказания.

В этом вопросе, как и в тысяче других, буржуазные юристы не единодушны. Одни видят в наказании оплату за совершенное преступление, другие — охрану общества от будущих преступлений. Одни готовы пойти на более мягкие наказания; другие, наоборот, требуют самых суровых и жестоких кар [1]).

---

[1]) Известный буржуазный юрист Миттельштедт требовал в 80 годах, чтобы наказание было «злом, мучением и страданием».

Но все они сходятся в одном — наказание должно быть стражем общественного правопорядка. Его цель — охранять установленный в обществе порядок вещей.

Его цель, таким образом, защищать твердость закона. Но что такое закон, как не отражение интересов господствующего класса? Правда, это упорно не желает признавать буржуазная наука, твердящая о том, что закон (право) и наказание (карательная политика) защищают не интересы господствующего класса, а общие интересы, общее благо. Они стараются доказать, что карательная политика определяется именно этим «общим благом».

Они пробуют утверждать, что нет никакой классовой юстиции, классовой карательной политики и классовой карательной системы.

Современная наука, опирающаяся на материалистическое понимание явлений [1]), доказала полную несостоятельность такого утверждения. Она разоблачила всю классовую лживость такого взгляда на уголовный закон, преступление и наказание.

Закон вообще, и уголовный в частности, служит совершенно определенной цели — охранять непоколебимость существующего строя. Вся сумма законов плюс те средства, при помощи которых эти законы приводятся в исполнение (суд, тюрьма, полиция, армия и т. д.), и составляют, в сущности говоря, то, что мы называем государством.

Но что такое государство, как не особая организация сил господствующего класса? Маркс и Энгельс в конце прошлого столетия, а в наше время Ленин блестяще доказали это, исключив какую-либо возможность доказывать противоположное [2]).

Маркс и Энгельс, объясняя в «Коммун. Манифесте» (1847 г.) ход общественного развития, показали, как каждому шагу буржуазии в области экономической соответствовала та или иная форма политической власти со всеми ее принадлежностями.

---

[1]) Материалистическое понимание истории—философская часть марксизма, объясняющая все явления общественной жизни производственными отношениями.

[2]) Ленин. Государство и революция.

«Современная государственная власть, — говорили они в «Ком. Ман.»,—есть не что иное, как комитет, заведующий общественными делами буржуазии».

Обращаясь к буржуазии, Маркс и Энгельс восклицали: «Ваше право есть только возведенная в закон воля вашего класса!»

Классовая природа уголовного наказания.

Вот почему, с точки зрения научного социализма, единственно правильной, закон и установленные им наказания носят определенно классовый характер.

Дело нисколько, конечно, не меняется от того, что уголовный закон труднее раскрывает свою классовую природу, чем закон гражданский. Гражданское право относится непосредственно к имущественным отношениям. В буржуазном обществе эти отношения покоятся на частной собственности, которая решительно влияет на право, регулирующее эти отношения. Поэтому гражданское право так резко попахивает душком собственника.

Другое дело уголовное право. Его область гораздо шире ограниченных имущественных интересов. Уголовный закон имеет своим содержанием не только охрану имущественных благ, но и других благ — свободы, жизни и т. п.

Нигде в самом буржуазном уголовном законе не сказано прямо и откровенно, что цель закона защищать блага буржуазии, ее свободу, здоровье, жизнь ее членов и пр. Наоборот, везде сказано, что уголовное наказание должно обрушиться на *всякого*, кто посягает против чьей бы то ни было личности, здоровья и жизни.

Вот почему получается такое впечатление, будто уголовное право действительно защищает *общее благо*, а не благо определенного *класса*.

Но нам могут возразить: «Как! А разве уголовный закон не охраняет и в самом деле всякого гражданина от всяких нападений на него самого, на его имущество, на его дом и пр. и пр.!»

Конечно, охраняет. Но дело не в этом, а в том, во-первых, *почему* охраняет, и, во-вторых, — и это самое главное — *как* охраняет.

Стоит только поставить эти вопросы, чтобы сразу стало ясно, что охрана *вообще* и *всех*, независимо от их классового положения в обществе, не является основным содержанием буржуазного уголовного закона. Она является скорее неизбежной необходимостью, обязанностью, от которой никак нельзя освободиться, как бы этого ни хотелось. Точно так же буржуазия очень энергично борется против всяких заразных болезней, против эпидемий, опустошающих, главным образом, кварталы бедняков. Но только очень наивные люди могут думать, что эта борьба ведется буржуазией из чувства любви и сострадания к беднякам, среди которых, главным образом, и свирепствуют всяческие болезни. Буржуазия боится за самое себя; борясь с эпидемиями, она самозащищается, и эта самозащита определяет все ее санитарные и медицинские мероприятия.

Так и в уголовном законе. Буржуазия вылавливает преступников потому, что для нее они представляют наибольшую опасность. Если бы она не преследовала грабителей, убийц, мошенников вообще, она сама сделалась бы их первою жертвою... Это оказалось бы тем более для нее опасным, что такая однобокая политика способна в корне расшатать тот правопорядок, который служит опорой для угнетения всех остальных классов общества.

Ведь уголовные преступления не только угрожают тем, против которых они непосредственно направлены, но и всему *строю тех отношений*, которые господствуют в данном обществе. Преступления подтачивают прочность этого порядка, расслабляют его, колеблют его устойчивость.

Вот почему государственный строй не может терпеть преступных посягательств, даже если эти посягательства прямо не угрожают господствующему классу. Они угрожают ему косвенно, а этого достаточно, чтобы государственная власть вынуждена была бороться с ними, хотя и не так беспощадно, как с теми преступлениями, которые содержат в себе эту прямую угрозу.

Но закон сам по себе, т.-е такой, как им он написан на бумаге, как он изображен в уголовном кодексе, еще не решает вопроса. *Классовый характер уголов-*

ного закона вытекает гораздо больше из того, как он применяется.

Карательная политика — показатель классовой природы уголовного закона.

Карательная политика — вот что должно служить и служит в действительности показателем классовой природы уголовного закона.

Здесь сразу эта классовая природа становится очевидной. Карательная политика показывает, *какую* цель преследует государственная власть в своей борьбе с преступлением, *как* она мыслит себе свою задачу, *каких* именно результатов рассчитывает она добиться при помощи наказания, *какие* формы наказания она избирает для своих целей и *почему* избирает те или иные формы. Отвечая на эти вопросы, карательная политика и созданная ею карательная система разоблачают себя во всей полноте.

Достаточно поэтому посмотреть только на те карательные учреждения и на способы и виды наказаний, какие существуют в том или другом государстве, чтобы классовая природа карательной политики, присущая данному строю, обрисовалась в достаточной мере.

3. Уголовный закон и карательная политика буржуазии.

Мы сказали уже выше, что гражданское право гораздо ярче, чем уголовное, отражает на себе влияние господствующего класса, являющегося законодателем. И это не случайно. Это зависит от классовой природы самого государства, с одной стороны, и от того особого значения, которое имеют имущественные отношения, — с другой.

Самое сословие юристов, созданное собственниками для распутывания возникающих между ними споров и недоразумений, выросло и приобрело общественное значение именно потому, что оно было занято улаживанием этих имущественных споров, их толкованием, разъяснениями и т. п. Юриспруденция [1]) — это, по-преимуществу, наука

[1]) Юриспруденция—от латинск. слов «juris» (юрис) и «prudentia» (пруденциа), что означает наука о праве.

о гражданском праве. Юристы — это, по-преимуществу, цивилисты (от слова «cives» [цивес] — гражданин), т.-е. знатоки гражданского права, как это показывает история Рима — в древности и Германии — в настоящее время.

«Гражданское право, — говорит Менгер в своей интересной книге «Гражданское право и неимущие классы населения», — разрабатывалось в течение тысячелетий исключительно состоятельными классами; оно ограждает и стоит безусловно на страже их интересов...»

Неудивительно, конечно, что право, разрабатывавшееся исключительно состоятельными классами, защищает исключительно интересы этих классов...

Но и уголовное право, ведь, создалось таким же образом, как и гражданское. Какие же основания предполагать, что оно свободно или должно быть свободным от тех особенностей, от которых не свободно и не смогло освободиться право гражданское?

Уголовное право буржуазии — классовое право: а) Германия.

Из рассмотрения сводов законов буржуазных государств можно без особого труда убедиться в их классовом характере. Так, напр., германское уголовное право или русское уголовное право дореволюционного периода прямо кричат об этой своей классовой природе.

Германское уголовное законодательство защищает самым откровенным образом господство капиталистов и помещиков. В германском уголовном уложении дореволюционного времени содержатся, напр., такие статьи, как 130, 131 или 153 §§, говорящие сами за себя. Так, § 130 угрожает штрафом до 200 мар. или тюрьмой до двух лет «за публичное возбуждение одного класса против другого», § 131 говорит о «публичном сообщении или распространении измышленных или искаженных фактов... с целью вызвать презрение к государственным учреждениям» и грозит штрафом в 600 марок или 2 годами тюрьмы.

Говоря о судебной практике своего времени, с.-д. депутат Гаазе писал: «Нам приходилось даже быть свидетелями того, как наказывались лица, которые доказывали вред, приносимый крупным землевладением, которые

призывали к напряжению всех сил для борьбы с всемогущими представителями этого крупного землевладения». Гаазе приводит пример того, как буржуазное правосудие расправляется даже с отдельными рабочими; он указывает на то, как суд приговорил на 3 мес. одного рабочего за то, что тот назвал актом классового правосудия один из бессовестных судебных приговоров.

Классовая юстиция (правосудие) современных буржуазных государств изощряется в разнообразии способов классовой расправы со своими врагами. Это достигается не только прямым применением действующих законов, но и тем «тонким и изящным толкованием» их, о которых цинично-откровенно говорил уже известный нам Миттельштедт.

Гаазе прямо говорит: «Не подлежит сомнению, что у нас, в Германии, действует классовое правосудие». [1])

Гаазе не прав только в одном: так не только в Германии, но во всех буржуазных странах—монархиях и республиках, демократиях и странах чистого парламентаризма. [2])

б) Россия. Русский уголовный закон, конечно, отличался такими же чертами. В старом нашем уложении о наказании имелись статьи, которые явно покровительствовали капиталистам и явно были направлены против рабочего класса. Так, напр., ст. 1359 Улож. о нак. карала фабрикантов за незаконное понижение заработной платы рабочих штрафом до 300 руб. Это наказание прямо смехотворно!..

В то же время 1359 [4] ст. Улож. о нак. — «за самовольное оставление работы в обществен. учреждениях» грозила тюрьмой до 1 г. 4 мес.; 1359 [9] ст. Улож. о нак. — «за возбуждение к стачке сельских рабочих» и ст. 1034 [3] — за возбуждение в печати к стачке, осложненной повреждениями, — теми же 16-ью месяцами тюрьмы...

Не приходится говорить о тех преступлениях, которые носили политический характер и являлись непосредственно

---

[1]) Гаазе. Классовое правосудие.

[2]) Политич. строй, при котором вся власть находится в руках господствующих буржуазных партий, посылающих своих представителей в парламент путем выборов раз в 3—4 года.

направленными против «существующего общественного и политического строя». Все, вероятно, помнят эти знаменитые 102, 126, 129 и т. п. статьи Уголовного Уложения (1903 г.).

Всякому также известно, что «существующий общественный строй», о котором говорит царское Уголовное Уложение,—это строй помещичье-буржуазных отношений.

Классовый характер буржуазного уголовного закона, однако, находил себе выражение и в ряде таких постановлений, которые с первого взгляда в этом отношении не возбуждали к себе никаких подозрений.

Таковы, напр., постановления дореволюционного Уложения о наказаниях о кражах. По нашему до-революционному праву (Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях) различалось несколько видов кражи: простая, легкая, тяжкая и квалифицированная. В группе так называемых легких краж имеется «семейная» кража, т.-е. кража, совершаемая друг у друга супругами, детьми и родителями.

Что же оказывается? Оказывается, что дела о всех подобных кражах могут возникать исключительно по жалобам заитересованных лиц. Если потерпевшие от такого «семейного» вора не пожелают «сор из избы выносить», то и вор останется безнаказанным, останется в обществе и может воровать до тех пор, пока не попадется вне своей семьи... Этот же самый закон разрешал и уже возникшие дела по семейным кражам прекращать «за примирением». По одному делу (в 1879 г.) Сенат разъяснил, что при семейных кражах не должны привлекаться к суду даже и люди посторонние, если они участвовали в краже, раз этого не пожелают заинтересованные члены семьи. Сенат прямо говорил, что в таких случаях не следует нарушать «семейной тайны».

Мы знаем, что всякая кража преследуется независимо от того, желает этого кто-нибудь или не желает. Семейной же краже делается такое исключение, которое стоит в прямом противоречии с основными принципами буржуазного уголовного права. И это только потому, что законодатель щадит какую-то «семейную тайну»!..

Но эту роль охранителя семейных, хотя бы и преступных, тайн законодатель берет на себя не спроста. В дворянско-буржуазном быту семья — основная клеточка государственного организма. Семейный патриархальный дух, семейные традиции, семейный интерес,—в условиях буржуазного или помещичьего строя, это — государственный интерес. Буржуазное государство, лицемерно кричащее о святости семейных отношений, готово прикрыть даже вора, готово пожертвовать своими принципами «справедливости» и «права», лишь бы не оказаться невольным виновником окончательного разложения и без того разлагающейся семьи...

Возьмем другой пример, с той же кражей, но не с легкой, а с тяжелой. Здесь мы видим усиление наказания. Под категорию тяжелых краж дореволюционный уголовный закон подводил такие кражи, как кражи работниками, мастерами, подмастерьями и т. д. у своих хозяев. Интересно то, что по тому же закону кража хозяина у рабочего — не тяжкая, а простая...

Буржуазное уголовное право — оружие буржуазного угнетения.

Таким образом, совершенно неоспоримо, что уголовный закон защищает, главным образом, интересы господствующих классов. В этой защите — его главное призвание. Но поскольку в большинстве стран господствуют собственники, имущие классы, и уголовное право этих стран является арсеналом самого совершенного оружия для защиты именно их интересов.

Отсюда с неизбежностью вытекает и свойственное уголовным судам этих стран классовое пристрастие: если Фемида [1]) и изображается с повязкой на глазах, то это нисколько не исключает того, что ей удается хорошо видеть и сквозь повязку, особенно когда эта повязка сделана из такого прозрачного и легкого материала, как буржуазные принципы...

Был глубоко прав поэтому великий английский писатель Шекспир, сказавший о суде и правосудии своего времени:

---

[1]) Фемида — имя богини правосудия у древних греков, изображавшейся в виде женщины с завязанными глазами.

«Позолоти свои грехи — и опускается бессильно Фемиды тяжкий меч, одень в лохмотья их — картонное копье их может поразить»...

Уголовный закон, таким образом, находится в решительной зависимости от классовых взаимоотношений, господствующих в обществе в ту или другую историческую эпоху.

Эта власть времени, власть эпохи сказывается даже и на характере самих преступлений. По мере развития хозяйственных отношений, их усложнения и изменения, изменяется и самая форма преступлений, появляются новые виды преступлений и исчезают старые. Разбой, грабеж, грубые кражи вытесняются тонким обманом, хитроумным мошенничеством, ловкими преступными комбинациями биржевого и банкового оборота.

И это вполне естественно. Неразвитой форме капиталистических отношений соответствуют и преступления более грубого, более примитивного (простого) характера. Наоборот, развитому капиталистическому обществу, отличающемуся тонким и сложным механизмом хозяйственного оборота, соответствуют преступления совершенно нового типа: подделки, подлоги, банково-финансовые манипуляции (действия), мошенничества всевозможных видов, страховой обман, банкротство и т. д. и т. п.

Буржуазия и преступники.

Но эти утонченные преступления охватывают сравнительно небольшой круг людей, принадлежащих к самому господствующему классу. Это—верхушка, аристократия, интеллигенция преступного мира. Сегодня ее герои ворочают капиталистическими судьбами, завтра — украшают собой скамью подсудимых... — Эти «преступники» и их капиталистические «судьи» — свои люди. Их разделяет лишь то или иное «случайное» стечение обстоятельств.

Другое дело т е, д р у г и е, н а с т о я щ и е преступники, вышедшие из рядов нищего и голодного народа. Исковерканные и нравственно раздавленные чудовищными жерновами капиталистического общества, они не имеют никаких оснований проникаться каким бы то ни было уважением к его законам и учреждениям. Они не питают ни-

какого уважения и к «священной собственности», легко и неуклонно нападая на нее всегда, когда к тому их побуждают холод и голод, зависть и ненависть...

Они, эти настоящие преступники, представляются правящим имущим классам каким-то бурным потоком, стихийно несущимся навстречу всем «культурным» ценностям, грозя им полным сокрушением. Вот настоящий враг существующего правопорядка, по кусочкам растаскивающий его сокровища!

Направляя против этого врага свое оружие уголовного наказания, буржуазия, однако, одновременно пытается и приспособить преступника к условиям своего общежития.

Карательная политика буржуазии и „воспитание“ преступника.

Преступник нарушает святость частной собственности—нужно, следовательно, воспитать в нем это чувство собственности.

На Парижском конгрессе (с‘езде) деятелей тюремного дела (в 1896 г.) именно так и обосновывали буржуазные юристы задачи своей карательной политики.

В некоторых докладах на этом конгрессе проводилась та мысль, что «многие из тюремных сидельцев на воле имели смутную идею о том, что юридически (т.-е. на языке законов) значит собственность, ибо это — личности, которые во всю свою жизнь, кроме жалких лохмотьев, прикрывающих их наготу, и скудного дневного заработка, никогда ничего не могли назвать своим»...

Буржуазные юристы полагали поэтому, что все дело в этой «идее» — необходимо привить преступнику эту «идею», и дело сделано! Вот почему в буржуазной тюрьме устанавливался такой режим, который должен был способствовать развитию этой счастливой мысли.

Буржуазная тюрьма предоставляла каждому арестанту возможность личным трудом заработать некоторое количество денег, которые и оставались в его распоряжении. Почувствовав в своем распоряжении некоторую сумму денег, преступник перевоспитается, проникнется уважением к собственности и перестанет огорчать добрых собственников.

Буржуазные мудрецы именно так и рассуждали. Кто ворует, грабит, мошенничает? Люди, у которых имеются

жалкие лохмотья, но у которых нет благородных идей. Сделаем же так, чтобы эти «лохмотчики» научились зарабатывать собственные деньги! Пусть в их кармане зазвенят несколько десятков копеек! Любезный сердцу собственника звон магическим образом переработает всю душу бедного преступника, возвратив его обществу обновленным и... безопасным.

Таким образом, к основной задаче буржуазной уголовной политики — устрашить, — присоединилась другая задача — воспитать, и не просто воспитать, а воспитать в духе священных устоев буржуазного общества.

Не говорит ли уже это одно о классовом характере буржуазного права и всей карательной политики?

И тем не менее буржуазные ученые всех мастей, рангов и степеней упорно стремятся этот классовый характер буржуазной карательной политики замазать, стараются доказать, что их карательная политика, как и все право, стоит над классами, выше классов.

Напрасный труд! Классовый характер всех государственных учреждений говорит сам за себя. Можно поэтому утверждать, что и карательная система буржуазных государств не составляет из этого правила никакого исключения.

Не воспитание, а борьба...

Можно утверждать, что в условиях буржуазного строя борьба с преступностью, говоря вообще, является своеобразной формой той же классовой борьбы.

Из каких слоев населения рекрутируются основные кадры преступников? Из неимущих классов больших городов и промышленных центров, из беднейших и несчастнейших жертв торжествующего капитализма. Громадные массы безработных, хронически голодающие массы бездомных, лумпен-пролетариев (босяки) — вот откуда берутся в буржуазном обществе по большей части «преступники». Их, действительно, миллионы. По статистическим данным такой маленькой страны, как Голландия (перепись 1899 г.), на пять миллионов всего населения приходилось целых три миллиона человек, не имевших никаких определенных занятий.

По германским данным, рабочие и поденщики дают в 10 раз больше преступников, чем земледельческое население.

По данным французской уголовной статистики за 1902 г., промышленные рабочие дают 24% всех уголовных преступлений. В той же Франции, по данным за 1893—1894 г. г., количество краж в промышленных районах увеличилось вчетверо против населения.

Это дало повод одному из криминалистов (ученых или юристов, изучающих уголовные преступления) даже воскликнуть: «Чем выше поднимается благосостояние департамента (губернии), тем больше у него преступников»...

Капитализм и преступность.

Стоит только внимательно всмотреться в эти цифры и факты, чтобы стало совершенно очевидным, что сам капитализм роковым образом порождает преступления.

В одной из своих чрезвычайно интересных работ француз марксист Поль Лафарг, исследуя причины преступности во Франции в 1840—1866 г. г., пришел к заключению, что все они могут быть сведены к условиям капиталистического быта. Лафарг показал, какая зависимость существует между, напр., кражами, мошенничествами и ценами на муку.

«Капиталистический способ производства,—говорит он,—развивается очень неравномерно; его развитие то быстро идет вперед, то снова останавливается и страдает от кризисов, разрушающих благополучие тысяч и миллионов лиц. Если справедливо, что современная преступность есть прямое следствие капиталистического способа производства, то изменения в движении преступности должны совпадать с колебаниями производства: число преступлений должно возрастать во время кризисов и падать в годы экономического под'ема; другими словами, преступность обусловливается расцветом или упадком капиталистического способа производства» [1]).

---

[1]) П. Лафарг. Преступность во Франции в 1840—1866 г. г. Сбор. статей «Угол. право и социализм», под ред. проф. Гернет.

Преступление как протест против капитализма.

В условиях капиталистического общества преступность является необходимой частью общественного устройства. Характерно, впрочем, что «преступники» составляют далеко не худшие элементы этого общества. Сплошь и рядом на преступление идут те, кто не способен просить милостыню, кто считает себя в праве взять кусок хлеба против воли его собственника, если этот кусок хлеба ему не дает собственник добровольно. Нападая на собственника и тем самым становясь «преступником», он выражает этим как бы свой протест против всего общества, против самого строя, не обеспечивающего ему возможности существования. Кому приходилось подолгу бывать среди уголовных преступников в до-революционных тюрьмах, те хорошо помнят особый тип преступников, выработавшийся в русских до-революционных условиях. Нередко это бывали люди, которые носили в себе какую-то глубокую и даже принципиальную ненависть к собственнику, к мещанину, к его мещанским взглядам, привычкам, вещам. Привычные, профессиональные преступники, почти не выходящие из тюрьмы, они никогда не запятнают себя преступлением против бедняка или трудящегося. Но они с чувством особой гордости и довольства рассказывают о своих подвигах, если жертвами их являются люди состоятельные. Эти преступники как бы ведут своеобразную войну против собственности. Неудивительно, что и буржуазная юстиция ведет против них такую же беспощадную войну, почти не выпуская их из своих каменных мешков.

В капиталистическом обществе преступник принадлежит, как общее правило, к числу яростных врагов этого общества. В свою очередь, и буржуазное общество видит в уголовном преступнике не только рыцаря темной ночи, но и своего рода классового врага. Это своеобразие «преступности» в условиях буржуазного общества подчеркивали и Маркс («Капитал») и Энгельс («Положение рабочего класса в Англии»).

Между собственниками и уголовным миром идет, повторяем, как бы своеобразная классовая борьба. Но в этой

классовой борьбе, в отличие от настоящей, подлинной классовой борьбы, нет и не может быть победителей.

Преступник, если ему и удается «победить», удачно провести свою операцию, воспользоваться плодом своей «победы», то с каждой такой победой он падает все ниже и ниже, все более и более нравственно разлагается, оказываясь жертвою, — «побежденным победителем»...

Бессилие буржуазии.

Но и буржуазное общество, если ему и удается изловить преступника и бросить его в тюрьму или на каторгу, нисколько не облегчает своего положения, поскольку не уничтожены причины новых посягательств. Таким образом, все меры, которые принимает буржуазия против преступников и преступности, почти бесполезны.

Что же это за меры? Это все то же «устрашение, улучшение и исправление»[1]).

Увы! Устрашение никого не устрашает, улучшение — ничего не улучшает, а исправление — не исправляет. Все эти меры совершенно не оправдывают себя. Они не в силах не только предотвратить преступления, совершающиеся в буржуазном обществе с неуклонностью естественного закона, но даже сколько-нибудь задержать бурный поток преступлений.

Самая свирепая буржуазная юстиция оказывается бессильной. И сознание этого бессилия все больше и больше овладевает умами ученых юристов, безнадежно мечущихся в этом заколдованном круге.

«В тюрьме,—говорит Гогель,—разочаровались все и окончательно: и законодатели, и судьи, и криминалисты и тюрьмоведы, — это факт, который оспаривать нельзя и который имеет огромное значение»[2]).

Но если все разочаровались в тюрьме, если тюрьма не спасает буржуазный правопорядок, то какое другое средство может заменить тюрьму, выступив на защиту обездоленной буржуазной собственности? Такого средства у буржуазии нет. . .

---

[1]) Гарро. Современ. задача уголовн. репрессии.

[2]) Гогель. Курс уголовн. политики, стр. 180.

И буржуазные ученые в смятении готовы объявить «конец репрессий» (наказаний), «начало потрясения самого значения наказания»... [1]).

Крах уголовной репрессии, по их мнению, доказывает, однако, лишь то, что общество (?!) должно взять дело борьбы с преступностью в собственные руки. Если обанкротилась тюрьма и ссылка, то это свидетельствует лишь о том, что они оказались несостоятельными, как меры государственной деятельности. Пусть же само общество возьмется за дело. Пусть оно организует «Общества нравственно здоровых личностей». В этих обществах преступники — «слабые духом» — найдут поддержку и помощь, участие и опору в трудную минуту жизни. Эти общества вырастут в могучие организации, которые, де, уже сейчас помогают немалому количеству «несчастных» «стать на ноги». Одновременно делает успехи кооперация. Преступные элементы, таким образом, обволакиваются вниманием, заботой и материальной поддержкой. Они подвергаются постоянному контролю и наблюдению патронатов (обществ попечения), и общество избавляется от опасных потрясений.

Не нужно большого труда, чтобы показать, что и эти «филантропические» (благотворительные) средства так же бесплодны, как меры репрессивного воздействия. Ни тюрьма, ни патронаты, ни «Общества нравственно сильных личностей» не в состоянии избавить буржуазное общество от преступлений и от преступников.

Борьба с преступлением — борьба с капитализмом...

Причина этого безнадежного положения лежит в том, что преступление коренится в природе самого капиталистического общества. Для того, чтобы уничтожить преступление, — надо уничтожить самое капиталистическое общество.

Но в гибель капитализма верят лишь те, кто с несокрушимой энергией ведут революционную борьбу за уничтожение власти капитала.

---

[1]) Гогель. Курс уголовной политики, стр. 181.

У буржуазии нет и не может быть надежды когда-нибудь освободиться от страшного налога, который общество уплачивает тюрьмой, ссылкой и эшафотом.

Преступление исчезнет вместе с исчезновением капитализма. На это и направлены наши усилия. И нет таких средств, которые могли бы освободить человечество от преступлений, не освободив его предварительно от капитализма.

Вот почему единственно разумный и целесообразный путь борьбы с преступностью, это — путь борьбы с капиталистическим строем.

Или капитализм и преступления, уничтожающие и унижающие человечество, или уничтожение самого капитализма. Третьего не дано.

Филантропия (благотворительность) — бесцельна. Тюрьма — в тюрьме «все разочаровались». Как выразился один из выдающихся тюрьмоведов, рассчитывать на исправление тюрьмой — все равно, что рассчитывать выстирать белье в грязной воде сточной канавы[1]).

Но если тюрьма не исправляет, то в такой же мере она и не пугает. И это несмотря на то, что буржуазная тюрьма способна внушать только ужас и отвращение. Рассказывают, что многие судьи буржуазных «демократических» государств сознательно избегают посещения своих тюрем: они боятся, что, посетивши тюрьму, они не смогут с прежним рвением приговаривать к тюремному заключению...

Так, буржуазное уголовное право и карательная политика буржуазных государств оказываются бессильными перед лицом выдвигаемых жизнью задач. Отчаявшись в спасительности всевозможных средств борьбы с преступностью — от эшафота до патроната, — они вновь возвращаются к старым (хотя и доказавшим свою бесполезность) мероприятиям, при чем не стесняются провозглашать, как новый принцип (основное начало), усиление до предела силы наказания. О том, какое паническое настроение

---

[1]) Гольденвейзер. Современ. система наказаний и ее будущность.

(настроение ужаса) царит в умах буржуазии, можно видеть из следующего замечания одного из известнейших буржуазных ученых, профессора Лионского университета Гарро: «Преступность, — сказал этот профессор, — растет и уничтожает те слабые преграды, которые ей ставят на пути, и «мятежное племя» крепнет и организуется на борьбу с бессильным и безоружным благоустроенным обществом. В глазах народа сложный институт правосудия с его кодексами, процедурой, со всем его сложным механизмом, кажется функционирующим (действующим) единственно для защиты преступников от общества»...

Договориться до подобных вещей можно только в состоянии полной растерянности. Но не служит ли это красноречивое признание одновременно и доказательством полной безнадежности всех карательных усилий современного буржуазного государства?..

4. Уголовное право в переходную эпоху.

Право переходного времени.

Мы видели выше, что уголовное право буржуазных государств, как и все, вообще, право, является правом классовым. Этот классовый характер уголовного права обусловливается тем классовым характером самого общества, который выражается в существовании классов угнетенных и класса угнетателей. Уголовное право, как часть всего буржуазного права, буржуазного государства, призвано защищать интересы угнетающего класса. Не будет, с другой стороны, ничего удивительного, если восставшие угнетенные классы, создавая свое государство, создадут свое уголовное право, которое будет защищать их интересы в противоположность интересам угнетателей. Иначе говоря, не будет ничего неестественного, если на смену уголовному праву буржуазии явится уголовное право пролетариата, со своим определенно выраженным классовым характером.

В самом деле, мы знаем, особенно благодаря работам В. И. Ленина, и, в частности, благодаря его работе «Государство и революция», что пролетариат, захвативши поли-

тическую власть в свои руки, не может сразу покончить с государством. Наоборот, пролетариат и после захвата власти вынужден сохранить государственный аппарат, хотя и совершенно заново перестроивши его. Но что значит сохранить государственный аппарат, хотя бы и в перестроенном виде?

Это значит сохранить все основные его свойства, особенности, качества, принципы (основные начала). Государство в руках буржуазии было аппаратом подавления. Принуждение, подавление — основной признак государства вообще. Сохраняя государство для своих целей, пролетариат сохраняет и это его особое качество. Пролетариат не может не только на другой день после победы — но даже в течение еще долгого времени после победы — обойтись без подавления своих врагов.

Свергнув буржуазию, пролетариат вступает не в царство коммунизма, а в тот долгий и тяжелый период своего исторического существования, который Маркс назвал «переходным периодом».

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — говорит Маркс в своей «Критике Готской программы», — лежит период революционного переустройства одного в другое. Этому соответствует и в политике *переходный период*, во время которого не может быть иного государства, кроме революционной диктатуры пролетариата».

Таким образом, революционная диктатура пролетариата — вот та особенная форма государства, которая соответствует переходному периоду. Но право неотделимо от государства. Оно соответствует ему.

Феодальному государству соответствует феодальное право. Буржуазному государству — буржуазное право.

Что это значит? Это значит, что феодалы (дворянство) или буржуазия создают такие законы, которые поддерживают и укрепляют их государственную власть, т.-е. такие законы, какие им выгодны. Но подобно тому, как феодальному или буржуазному периоду соответствует свое государство и свое право, точно также и переходному от капитализма к коммунизму периоду соответствует особое

государство и особое право: государственное, гражданское, уголовное и т. д.

Уголовное право и диктатура пролетариата.

Совершенно понятно, что право переходного времени не может не отличаться всеми теми особенностями, какими отличается само государство этого времени. И, поскольку в эту эпоху государство является *диктатурой пролетариата*, его право вообще и уголовное в частности, не могут не носить на себе отпечатка этой диктатуры.

Уголовное право (уголовные законы) должно поэтому служить одновременно и щитом, защищающим пролетарскую революцию, и мечом, поражающим врагов революции.

Подобно самой революции, как «вихрь, отбрасывающей назад всех, сопротивляющихся ей», уголовное право эпохи пролетарской диктатуры, т.-е. эпохи перехода от капитализма к коммунизму, сбрасывает с путей революции тех, кто препятствует ее творческому движению вперед.

Диктатура пролетариата не имеет другого смысла, как уничтожить, сломить, обезвредить сопротивление разбитых в революционных битвах старых классов — буржуазии и дворянства. Так и уголовный закон, уголовный суд и уголовное наказание в пролетарском государстве имеют тот же смысл, служа тому же делу пролетарской революции.

Если поэтому поставить перед собой вопрос о том, какие цели преследуют советский суд и налагаемые им различные наказания, то ответ на него будет совершенно тот же, что и на вопрос о целях самой пролетарской революции.

Основная цель советского суда и уголовного наказания — борьба с классом эксплуататоров. В этой именно борьбе весь смысл и оправдание нашего уголовного закона. В противоположность буржуазной философии, оправдывающей свое право наказания защитой священной частной собственности, во имя которой она устрашает и калечит преступника, советская система оправдывает свое право наказания правом революции. Ее тюрьмы и меры социальной защиты созданы не для «преступников», преступления кото-

рых порождены нищетой, голодом и эксплуатацией, а для самих эксплуататоров, пытающихся сохранить за собой возможность старого угнетения, хотя бы и в новых формах.

Борьба с эксплуататорами — основная задача нашего уголовного закона.

Именно эта мысль выражена и в одной из основных статей общей части нашего Уголовного Кодекса (ст. 6), которая дает и самое определение понятия «преступление».

«Преступление, — говорится в этой статье, — есть всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».

Из приведенного текста очевидно, что именно защищается нашим уголовным законом. Это — основы советского строя и опирающийся на эти основы правопорядок. А ведь это не что иное, как борьба с буржуазией, борьба за коммунизм. В этом и заключается все основное содержание и нашей карательной политики и всей карательной системы советского строя.

Наш уголовный кодекс, таким образом, по самой сути дела служит целям освобождения пролетариата, выражая в виде статей уголовного закона те стремления, которые одушевляют пролетариат в его борьбе за коммунистическое будущее.

Никогда, правда, в истории не было подобного положения, никогда пролетариат не выражал своих классовых стремлений в виде уголовного закона...

Это до сих пор составляло, так сказать, привилегию (преимущество) буржуазии. Теперь, в результате побед Октябрьской революции, в границах Советского Союза буржуазия лишилась этой привилегии. При помощи уголовного закона пролетариат направляет свой удар и против буржуазии и против самой этой привилегии. Но покончить с этой привилегией — издавать законы, судить, карать — он может не иначе, как использовав до конца весь аппарат государственной власти, частью которого являются суд и тюрьма...

Переходный период, требующий вместе с особой формой государства, и особого характера уголовно-карательной политики и системы, конечно, не вечен: поэтому-то он и называется переходным. С исчезновением переходного периода исчезнет и государство и уголовное право. И как бы ни спорили сейчас между собою юристы-марксисты о том, будет ли существовать в коммунистическом обществе будущего право и что это будет за право, несомненно одно: права в современном смысле этого слова не будет [1]).

Право в его современном значении есть подавление, принуждение, насилие. Оно вытекает не из мирного товарищеского соглашения о том, что дозволено и как дозволено товарищескими отношениями поступать в различных условиях жизни. Оно вытекает из непримиримой, острой и беспощадной классовой борьбы и является выражением стремлений победившего в этой борьбе класса. Поэтому современное право есть результат той же классовой борьбы, что и все государство в целом.

Уголовный закон и коммунистическое общество.

По окончании переходного периода, т.-е. после прекращения классовой борьбы, после того, как классы отомрут окончательно, не будет надобности и в праве.

«Ибо, — как писал по этому поводу Ленин, — некого будет подавлять, некого — в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения» [2]).

Можно было бы добавить: и не за что будет подавлять, ибо не будет и преступлений.

В той же книге «Государство и революция» Ленин писал: «Мы знаем, что коренные социальные причины эксцессов (ненормальных поступков; здесь — преступлений. *А. В.*), состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины, эксцессы неизбежно начнут отмирать...

---

[1]) Стучка. Революц. роль права и государства. Подволоцкий. Марксистская теория права.

[2]) Ленин. Госуд. и револ.

Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием отомрет и государство» [1]).

Здесь, в этом отрывке, интересна мысль о том, что в первое время и при коммунизме будут иметь место «эксцессы», хотя их главная причина — нищета и эксплуатация масс — и исчезнет. Ленин говорит, что в коммунистическом обществе эксцессы отдельных лиц еще останутся, по крайней мере, в течение некоторого начального периода. Но эти «эксцессы» коммунистическое общество научится быстро и легко подавлять и без помощи такой машины, как государство, и без помощи таких норм, правил, как статьи уголовного кодекса, и без помощи таких средств, как уголовное наказание.

Ленин говорит:

«Это будет делать (т.-е. подавлять эксцессы, *А. В.*) сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся, или не допускает насилия над женщиной».

Но в эпоху переходного от капитализма к коммунизму времени обойтись без этого особого аппарата, без всей сложной машины подавления, однако, не представляется возможным.

Ибо еще не исчезнет класс, требующий этого подавления, класс выбитой из седла буржуазии. Будет существовать и старая «культура» и множество старых пороков, перешедших к новому обществу, как наследство от старого.

В «Критике Готской программы», о которой мы говорили выше, Маркс объяснял, что коммунистическое общество выходит из капиталистического и поэтому носит на себе «во всех отношениях — экономическом, моральном и умственном — резкий отпечаток отличительных свойств старого общества».

Вот почему в этом обществе будут в течение известного времени неизбежны те эксцессы, о которых говорил Ленин.

---

[1]) Ленин. Госуд. и револ., стр. 87.

Наша действительность и есть этот самый переходный период. Наш Советский Союз и есть это самое государство переходного периода. Его право, вообще, и его уголовное право, в частности, — это тоже переходное право. Оно сохраняет на себе свойственный этому периоду характер двусторонности: с одной стороны, оно борется с умирающим классом эксплуататоров,—и это его главная задача, с другой стороны, оно не может не бороться и с «эксцессами» отдельных лиц (худших, разложившихся) даже из своего собственного класса.

Этот двусторонний характер нашего уголовного законодательства составляет одну из самых замечательных его особенностей.

Кто не поймет или не обратит внимания на эту его особенность, тот рискует не понять ни нашего уголовного кодекса, ни нашей карательной системы ни нашей карательной политики.

5. Основные начала нашей карательной политики.

Как же осуществляется в нашей уголовно-судебной практике эта двойная задача? Какие основные начала направляют эту борьбу на два фронта? Другими словами, в чем заключается сущность нашей карательной политики и нашей карательной системы?

Вот вопросы, которыми нам теперь предстоит заняться.

Мы говорили выше о преступлении, о его природе, его содержании или, вернее, понимании этого содержания нашим законодательством.

Наказание как мера защиты пролетарской революции.

Обратимся теперь к наказанию. Первый вопрос и здесь будет о ц е л и и с м ы с л е наказания.

Уже из сказанного выше ясно, что целью наказания, по нашему правосознанию, является защита пролетарской революции от всяких посягательств на нее со стороны ее классовых врагов.

Но как именно эта защита должна осуществляться при помощи уголовного кодекса? Какая непосредственная цель преследуется уголовным законом?

На это дает ответ статья 8-ая Кодекса, текст которой гласит следующее: «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества, б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия, в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений».

В этой статье раньше всего подчеркивается, что наказание есть одна из мер социальной защиты. Не месть, не «воздаяние» за совершенное преступление, не удовлетворение чувства «справедливости», — нет, для советского суда наказание является лишь способом защитить общество от того, что т. Ленин назвал «эксцессами». Именно как мера социальной защиты, наше наказание (ст. 26 Угол. Код.) должно быть лишено «признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Конечно, всякое наказание, каково бы оно ни было сопряжено с известными страданиями. Тюрьма, арест, денежный штраф, публичное порицание, запрещение занимать определенную должность, ограничение в правах, — могут ли они не причинять страданий? Конечно, нет.

Целесообразность наказания.

Неизбежность страданий, таким образом, очевидна. Вся задача, следовательно, должна сводиться к тому, чтобы наказание не причиняло *лишних и бесполезных* страданий, т.-е. страданий, которые не оправдываются самой задачей наказания.

Но освободить наказание от элемента мучительности и бесполезности значит сделать его *целесообразным*.

Статья 26 Уг. Код. именно так и подходит к наказанию. Она требует, чтобы всякое наказание было целесообразно. Целесообразность наказания, это — первое и важнейшее, основное начало нашей карательной политики.

Что же надо понимать под этой целесообразностью?

Под этим надо понимать соответствие наказания той цели, которую ставит государственная власть в своей карательной политике. С точки зрения интересов пролетариата, только то наказание может быт признано целесообразным, которое способствует укреплению революции, укреплению власти рабочего класса; способствует преодолению сопротивления, оказываемого рабочему классу его классовыми врагами, с одной стороны, и разложившимися элементами его собственного класса, с другой.

С этой именно точки зрения и надлежит рассматривать вопрос и о целесообразности наказания, о цели и смысле наказания, как это изложено в ст. 8 Уг. Код.

Обращаясь к рассмотрению этой статьи, мы видим здесь две линии направления или действия наказания.

Две линии направления наказания.

Первая линия — наказание действует на преступника так, чтобы лишить его возможности повторять преступные действия в будущем. Наказание в таком направлении призвано действовать в отношении неисправимых или, лучше сказать, не дающих оснований надеяться на их исправление преступников.

Вторая линия — наказание действует на преступника так, чтобы исправить его и приспособить к общественному сожительству. Наказание в таком случае направляется на элементы, по большей части неустойчивые, легко поддающиеся дурному влиянию окружающей их среды и обстановки. С другой стороны, наказание здесь имеет в виду и тех, кто дает основания предполагать, что преступивший требования закона не пал окончательно и бесповоротно, не потерял свойственной трудящемуся человеку способности стать на путь труда и трудовой жизни, в ком теплится искра общественного и товарищеского отношения к окружающему.

Нечего и говорить, что эта вторая линия направления уголовного наказания является господствующей в нашей карательной политике, что, наоборот, первая линия — линия исключительная, крайняя.

Решить вопрос о том, по какой из этих двух линий направления должно пойти наказание, и значит придать

наказанию целесообразность. Если начать наказывать по той и другой линии всякого, кто подпадает под действие уголовного закона, не считаясь с 8-ой статьей Уг. Код., т.-е. не считаясь с этими двумя линиями, то наказание может оказаться нецелесообразным. А это противоречит всему смыслу и духу нашего уголовного законодательства.

Насколько вопрос о целесообразности наказания является в нашем законодательстве важным, можно заключить, далее, из того, что наш закон знает случаи неприменения наказания, если это применение оказывается нецелесообразным.

Неприменение наказания.

Статья 21 Уг. Код. точно перечисляет условия, при которых совершенное преступление остается безнаказанным. Эти условия следующие: а) когда со времени совершения преступления прошло не менее пяти или не менее трех лет, б) когда за это время преступник не совершил никакого другого преступления и в) когда по совершенному им преступлению не было за это время ни дознания, ни следствия, никакого, вообще, производства по делу.

21 статья отличается глубоким практическим и принципиальным значением. В самом деле, если в течение продолжительного срока (пять лет или три года, смотря по серьезности преступления), когда по данному делу не было никакого следствия, человек, совершивший это преступление, ничем не запятнал себя в глазах трудящихся, то это дает полное основание предполагать, что совершенное им преступление объясняется не преступной «натурой» этого человека, не неуменьем его жить среди себе подобных, а несчастным стечением обстоятельств. Наличность указанных в этой статье обстоятельств дает право считать, что обрушившееся на голову такого «преступника» несчастье в виде совершенного им преступления не сбило его с пути трудовой нормальной жизни, что он, следовательно, не опасен для общества, и что наказанию, преследующему именно эту цель, в данном случае делать нечего.

Правда, дореволюционное право также знало давность уголовного преследования. За протекшее время, рассуждали буржуазные юристы, стерлись впечатления свидетелей,

исчезли, быть может, признаки, уличающие преступника, успокоилась взволнованная в свое время этим преступлением общественная совесть, сам преступник, ожидая изо дня в день привлечения к суду и следствию, нравственно перемучился и т. д. и т. д. — вот основания, по которым старое право устанавливало давность преступления. Кроме того, эта давность применялась лишь в том случае, когда самое преступление в течение известного срока (до 20 лет) не раскрывалось (не становилось гласным). Но старое право знало целый ряд преступлений, которые не покрывались давностью ни при каких условиях. Таковы государственные преступления, убийство отца или матери и некоторые другие.

Наше право, так сказать — «безнаказанности» стоит на совершенно иных основаниях. Ни угрызения совести преступника, которые не поддаются никакому учету, ни взволнованная общественная «совесть» не играют у нас никакой роли. Вопрос ставится совершенно в другой плоскости: прошел срок, лицо, совершившее преступление, не повторило его; какой смысл наказывать преступника? Ведь бессрочных наказаний у нас нет!

Условное осуждение.

Такое же значение имеет и другая статья, создающая новую эпоху в карательной политике. Это — 36 статья, говорящая об условном осуждении.

Согласно этой статье, приговор, вынесенный судом в отношении осужденного, может по постановлению того же суда быть оставленным без исполнения.

Суд может признать, что преступник не настолько опасен для общежития, чтобы следовало его немедленно же заключить, напр., под стражу. Учитывая ряд обстоятельств, а именно: первую судимость, тяжелое стечение жизненных обстоятельств, незначительную его опасность для общества, суд назначает осужденному известный испытательный, так сказать, срок — от трех до десяти лет. Если в течение этого срока осужденный не совершит нового преступления, подобного или однородного тому, за которое он осужден, то первый приговор так и не приводится в исполнение.

Если же такое преступление он совершит вторично, то старый приговор тотчас по осуждении по новому делу вступает в силу. Следуемое же по новому делу наказание исчисляется особо и независимо от первого наказания. Однако, общий срок заключения не должен превышать 10 лет (ст. 37 Уг. Код.).

Условное наказание применяется нашими судами достаточно широко, при чем наблюдаются чрезвычайно своеобразные случаи и формы этого применения.

Практика наших судов знает, напр., такие случаи. Один суд по контр-революционному делу приговорил обвиняемого, учитывая целый ряд обстоятельств, к наказанию: пройти в течение стольких-то месяцев курс политграмоты. Другой суд приговорил: проявить активность на производственной работе по заданиям, указанным в приговоре; в противном же случае лишить свободы. В некоторых случаях наблюдение за условно-осужденными возлагается судами на фабрично-заводские комитеты, на комитеты служащих и т. п. организации[1]).

Уже это одно показывает, что наше условное осуждение коренным образом отличается от условного осуждения буржуазных государств, когда они применяют его.

Таким образом, по нашему закону наказывать предписывается не во всех случаях совершения преступления и не при всех условиях, а лишь в известных случаях и при определенных условиях. Наш закон, следовательно, не боится оставить преступление безнаказанным, но наказывая стремится к тому, чтобы это наказание оказалось полезным обществу, пролетариату.

Отличаясь крайней гибкостью, наш уголовный закон характеризуется особенной практичностью, получая возможность действительно служить интересам того класса, который в лице пролетариата строит новую жизнь.

Эта гибкость свойственна нашему праву и в других вопросах, имеющих тесную связь с вопросом о наказании. Мы имеем в видупринцип (основное начало), выраженный

---

[1]) См. Уголовн. Кодекс, с пред. Наркомюста Д. И. Курского, изд. Моск. Губ. Суда, соотв. статьи.

в 10 ст. Уг. Код. Здесь содержатся указания на возможность применения наказания и в тех случаях, когда в законе не определены данные виды преступления.

6. Наказание по аналогии.

Преступление и наказание без прямого указания в законе (ст. 10 Уг. Кодекса).

Это те случаи, когда наказание налагается по аналогии (по сходству). Принцип новый и совершенно незнакомый буржуазному праву.

Вот как он выражается в тексте закона: «Ст. 10. В случае отсутствия в Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса».

Как видно из текста этой статьи, по нашему праву можно судить и осудить, т.-е. приговорить к какому-либо наказанию, и в том случае: 1) когда в законе нет прямого определения того преступного деяния, за которое привлекается к суду обвиняемый, и 2) когда в законе нет точного указания на грозящее ему наказание.

В том и другом случае суд имеет право применять к обвиняемому ту статью закона, которая наиболее близко подходит к совершенному им деянию. Так, напр., по нашему закону карается подделка денежных знаков, банковых билетов и пр., с одной стороны (85 ст.), и подделка всяких иных документов (ст. 189), с другой. Но нигде в законе не сказано, что преступно и, след., наказуемо в уголовном порядке пользование такими поддельными билетами или документами, при условии осведомленности о поддельности последних.

10-я статья, как это разъяснил Верховный Трибунал[1]), дает возможность привлекать к суду пользователей и подвергать их таким же наказаниям, как и за подделку.

---

[1]) Цирк. Верх. Тр. № 170, 2. XI, 1922 г.

Или другой случай. Согласно ст. 111 Уг. Код. уголовно наказуемо «постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора». Председатель одного из губернских трибуналов был предан суду по 111 статье, хотя «приговоров он не постановлял», а из корыстных видов задерживал кассационные жалобы и, как гласило обвинительное заключение, создавал таким образом «атмосферу неправосудия».

В данном случае, действия этого председателя, явно преступные, нельзя было бы квалифицировать (юридически определить с указанием на статью закона), ибо в законе прямого указания на такое преступление не имеется. Благодаря же 10-ой статье, безобразное преступление этого гражданина можно правильно расценить и защитить, таким образом, общество от преступных действий. Применение закона подобным образом, т.-е. через 10 статью, и называется применением закона по аналогии.

Применение закона подобным образом находит себе оправдание в чрезвычайной сложности революционной обстановки нашего времени, в исключительной трудности и даже невозможности исчислить в законе все возможные случаи преступлений и в необходимости предоставить суду значительный простор в его карательной деятельности.

«Трудно в наше время, в особенности, когда целый ряд преступлений постоянно видоизменяется в отличие от тех преступлений, которые были в прежнем Кодексе, уловить все разновидности новых преступных деяний, — говорил на III сессии ВЦИК'а т. Крыленко, — и именно для этого мы предоставляем суду статьей 10-й право, в случае, если придется в жизни столкнуться с преступлением, в законах не предусмотренным, действовать по аналогии».

Конечно, такое предоставление суду широких возможностей выходить за пределы, прямо и точно обозначенные в законе, требует исключительного доверия власти к своему суду. Это доверие должно основываться на убеждении, что суд сумеет разобраться в сложной обстановке данного события, хотя бы в законе и не было дано прямых и точных указаний на него, как на событие преступного характера. Такую уверенность может иметь, конечно, только то пра-

вительство, которое составляет единое целое со всем трудовым народом. Своей *классовой* природой оно обеспечивает трудящимся массам правильную защиту их трудовых интересов.

Таковы социальные предпосылки нашего права аналогии. Оно вытекает из нашего понимания существа преступления, как явления социального порядка. Оно вытекает и из нашего юридического определения преступления.

Интересно провести в этом отношении сравнение с дореволюционным правом.

Право аналогии и буржуазное право.

Дореволюционное право стояло на совершенно иной принципиальной позиции. Руководящее начало старого права, в полную противоположность нашему, заключалось в признании невозможности судить за такое преступление, которое не обозначено прямо в законе.

Это выражалось старой латинской формулой, гласившей: «Нет преступления (вины) и нет наказания, если оно не обозначено в законе».

Буржуазные юристы видели в этой формуле выражение высшей защиты гражданской свободы, защиты против полицейского и судебного произвола власти. Не доверяя в полной мере своим судьям,— бездушным наемным чиновникам, засохшим в своих канцеляриях, ограниченным в своем кругозоре, «двадцатникам», буржуазная юстиция должна была официально стоять именно на этом принципе. Практически она, конечно, вынуждена была отступать от него, проделывая это в порядке «сенатских толкований», часто совершенно искажавших, как это показывает практика нашего дореволюционного Сената, смысл и дух закона.

Причина этого в известной степени заключалась в самом толковании понятия преступления.

Официально старое право исходило из следующего понимания преступления. Статья 1 дореволюционного Угол. Улож. гласила: «Преступным признается деяние, воспрещенное во время его учинения законом под страхом наказания».

Преступлением, след., являлось лишь то, что воспрещено законом, т.-е. такое деяние, которое описано в законе, воспрещающем его учинение под страхом наказания.

Иначе определяется преступление по нашему Кодексу. Ст. 6 Кодекса вот что говорит по этому поводу: «Преступлением признается всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя» и т. д. Здесь нет и следа старого понимания преступления. Здесь нет никакого указания на то, что преступление может почитаться таковым, лишь поскольку оно обозначено в законе. И в этом последнем обстоятельстве и лежит все существенное различие.

Если сравнить старое и новое определение преступления, то с первого взгляда может показаться, что старое лучше и правильнее: нет, мол, произвола, есть зато точность и ясность, определенность. В нашем же определении нет, де, ни этой ясности, ни точности ни определенности.

Но это так может показаться только с первого взгляда. В действительности же, старое определение никуда не годится. Оно стремится на бумаге охватить все случаи жизни и, естественно, не достигает цели, оставляя живую действительную потребность неудовлетворенной. Это же вызывает необходимость в той «разъяснительной» практике, которая уже тем плоха, что она решает вопросы, касающиеся живых людей, в отсутствии этих людей. Именно стремление обозначить в законе все и вызывает, с другой стороны, необычайно громоздкие сборники законов, в которых путается не только обыватель, но и сам судья. Насколько эти сборники, действительно, громоздки, можно судить хотя бы по нашему дореволюционному Уложению о наказаниях. Оно содержало в себе одну тысячу семьсот одиннадцать статей. Но и этого было мало: в придачу к этим тысяче семистам статей было присоединено еще почти двести статей Устава о наказаниях для мелких преступлений, разбиравшихся мировыми судьями. Итого, почти две тысячи статей!..

Нечего удивляться, что за ворохом этих статей, параграфов и примечаний, даже добросовестный судья терял всякое чутье жизни, всякое понимание жизненной правды. Немудрено, что при таких обстоятельствах закон превращался в свою противоположность — в беззаконие, право—

в произвол и бесправие, сила — в голое и бессмысленное насилие...

Самый суд при таком положении вещей превращается в какой-то мясорубочный механизм, в какую то человеческую мясорубку. Это, впрочем, нисколько не противоречит основным карательным задачам буржуазии. Но это недопустимо с нашей точки зрения: это противоречит интересам пролетариата, и от подобной «определенности, ясности и точности» в законе мы, конечно, обязаны отказаться.

И без этой точности и определенности наше уголовное право обеспечивает трудящимся самую полную защиту их интересов. Давая судье простор и освобождая судью от узкого формализма, статья 10-ая служит вместе с тем гарантией, что ни большая акула, ни малая рыбешка не выскользнут из карательной сети, заброшенной пролетариатом в самую глубь жизненного океана.

В этом все значение и весь смысл 10-й статьи, украшающей наш Уголовный Кодекс...

7. Пролетарское социалистическое правосознание.

Казенщина буржуазного закона.

От вопроса о цели и смысле наказания естественно перейти к вопросу о том, как оно должно налагаться. Опять-таки необходимо и здесь прибегнуть к сравнению со старым правом. Там действовали строго очерченные законом правила, там преступление и наказание были поставлены в строго замкнутые рамки. Даже мера наказания по старому царскому праву была размерена степенями, при чем в законе точно указывалось, сколько именно лет, месяцев и дней каторги, арестантских рот, тюрьмы или крепости надлежит дать преступнику в том или другом случае. Личное усмотрение судьи было парализовано тяжестью писаных требований, которым он не мог не подчиниться под страхом лишения приговора силы судебного решения. Даже в так называемом суде присяжных эта строго-формальная казенщина была сохранена в полной мере. Присяжным заседателям предоставлялось

решить, было или не было совершено обвиняемым приписываемое ему преступление и виновен ли он в этом преступлении. Но присяжные не имели никакой возможности влиять на его дальнейшую судьбу, если не считать их права признавать обвиняемого заслуживающим или не заслуживающим снисхождения.

Раз вынесен присяжными вердикт (решение), дело коронного суда рассчитать, сколько лет и месяцев надлежит отпустить осужденному. Старый суд, таким образом, отличался внутренней двойственностью. Правда, вопрос о виновности решали не чиновники, а, так сказать, представители самого «народа». Но разве осужденный еще в большей мере, чем в признании его виновным, не заинтересован в том, чтобы самое наказание было определено ему не по правилам простой арифметики, как это было в старом суде, а по правилам человеческой или даже, правильнее говоря, трудовой логики!..

Уже известно, из каких слоев населения рекрутируется главная масса преступников. Мы знаем, что — это трудящиеся массы, трудовой народ. Нечего и говорить, что старый суд органически, т.-е. по самому своему социальному составу, по самой своей классовой природе, не мог правильно и соответственно интересам трудовых масс подойти к преступнику. Представление старого общества о праве, т.-е. о том, что преступно, а что непреступно, что опасно, а что неопасно, — определялось классовой природой дворянско-капиталистической части этого общества. Это правосознание было, таким образом, совершенно чуждо широким народным массам, непонятно, враждебно. Оно было правосознанием угнетающего, эксплуатирующего меньшинства. Оно отражало интересы именно этого меньшинства. В этом смысле оно было противонародным, как противонародным было все его право в целом, все его законы, вообще, и уголовные законы, в частности.

Этот буржуазный дух старого права проникал глубоко и основательно во все юридические акты, с которыми обращалась буржуазия к трудовым массам народа. Глубоко враждебные интересам трудящихся, эти акты, однако,

старательно драпировались в отвлеченно-общечеловеческие мантии, разукрашаясь пестрыми лоскутами «справедливости», «правды», «гуманности» и т. п. красивых слов. Буржуазия не смела поступать иначе. Она не смела честно и открыто заявить о том, что стоит в своем законе на классовых позициях, что преследует в своих законах классовые цели, что судить и присуждать она намерена так, как ей подсказывает ее классовая совесть. Если бы буржуазия или помещики осмелились открыто все это провозгласить, они открыли бы глаза на истину самым отсталым, самым темным из своих многомиллионных рабов, они рисковали бы не устоять против всеобщего возмущения трудящихся.

Буржуазия состоит не из одних краснобоев и простаков. Она умна и хитра. Она опытна и практична. Она предпочитает все эти «философские» вопросы решать по-деловому, пользуясь ложью, обманом и шантажем, облекая их, правда, в форму научного знания и выдавая их за самоновейшую истину. Каждая буква буржуазного закона пропитана буржуазным духом, пропитана ядом буржуазного правосознания. Но ни в одном буржуазном кодексе мы не найдем статьи, в которой это признавалось бы явно и открыто. Поэтому в буржуазном Кодексе уголовных законов мы не найдем такой статьи, которая разрешала бы судье—мы не говорим уже обязывала бы—руководствоваться своим буржуазным правосознанием.

Совершенно немыслим буржуазный Кодекс, в котором была бы крупными буквами пропечатана такая, напр., статья: «Назначение наказания производится судом по его буржуазному правосознанию»!..

Гораздо политичнее, конечно, с точки зрения буржуазии, начертать на заглавном листе уголовного Кодекса такие слова: «Правда и милость да царствуют в судах...» и за этими красивыми словами, как за красивой ширмой, скрыть какое угодно безобразие!..

Наш Кодекс не имеет никакой нужды скрывать истинной своей природы. Его природа, — говорим мы,— классовая природа. В его статьях выражены взгляды рабочего класса, озаренного коммунистическим сознанием. Рабочий класс,

придя к власти в результате долгих и тяжелых исторических испытаний, разоблачив ложь своих классовых врагов, стремясь к уничтожению самого деления человеческого общества на классы, не имеет никакой возможности и надобности скрывать свой классовый подход ко всем явлениям жизни. Преступление и наказание не могут представлять никакого исключения. Стоя на классово-коммунистической почве, пролетариат не только не скрывает этого, но считает обязательным каждый шаг своей практики проверять именно с этой классовой точки зрения.

Пролетарское правосознание и 9 ст. Уг. Код.

Применяя закон, определяя наказание виновному перед пролетарской властью лицу, пролетарский суд обязан согласовать это наказание с общими началами социалистического (коммунистического) правосознания.

Уголовный Кодекс создал специальную статью, которая содержит в себе это обязательство, выраженное следующим образом: «Назначение наказания, — говорится в 9 ст. Уг. Код., — производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей настоящего Кодекса».

Что же такое это «социалистическое правосознание»? Какие отличительные черты его? Что именно разумеет законодатель под этим понятием?

Как известно, Уголовный Кодекс введен в действие с 1 июня 1922 года. Уже в постановлении по этому поводу ВЦИК'а мы находим ссылку на это правосознание, хотя оно здесь называется не «социалистическим», а революционным. В вводной части этого «Постановления» (см. Собр. Узак. за 1922 г., ст. 153, № 15) мы читаем: «В целях ограждения Рабоче-Крестьянского Государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно-опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания...»

По сути дела, революционное правосознание ничем не отличается от социалистического правосознания: наша революция — социалистическая. Это отсутствие различия в терминологии (в способе выражения) явствует и из того,

что то же понятие в статье 9 Угол. Кодекса выражено через слово «социалистическое»[1]).

Это последнее понятие не явилось в нашем Кодексе неожиданным. Оно имеет свою историю, и к ней мы и обратимся.

В первые годы Советской власти в различных декретах мы встречаемся с понятиями: «революционная совесть» и «революционное правосознание» (Собр. Уз. 1917 г. № 4, декрет 27 ноября 1919 г. о «Положении о революционном трибунале), «правосознание трудящихся масс» (Собр. Узак. 1918 г. № 26), «социалистическая совесть» (декрет 20 июля 1918 г.).

«Социалистическое правосознание» в первых декретах.

Но уже декрет 25 ноября 1918 г. (Собр. Узак. 8 дек. 1918 г., № 85) о народном суде РСФСР, содержащий в себе «Положение» об этом суде, предписывает в ст. 22-й «руководствоваться социалистическим правосознанием».

Указание на «революционно-социалистическое правосознание» мы находим далее и в «Положении о полковых судах» (10 июня 1919 г.), где суд обязывался «решать» вопросы о вине или невиновности обвиняемого по внутреннему своему убеждению, основанному на свободной оценке совокупности обстоятельств, сопоставляя их с декретами, и «своим революционно-социалистическим правосознанием» (ст. 98 «Положения»).

В этом тексте замечательно одновременное употребление двух понятий: внутреннее убеждение и социалистическое правосознание.

Судейское убеждение и социалистическое убеждение.

Но закон далеко не смешивает их. Внутреннее убеждение—это оценка обстоятельств, фактов. По внутреннему убеждению судья должен решить, кому из свидетелей, в случае их противоречия, верить, каким объяснениям подсудимого верить, какие факты считать установленными, а какие считать неустановленными. Все это — дело внутреннего судей-

---

[1]) 9 ст. Уг. Код.

ского убеждения. Другое дело — его социалистическое правосознание.

Социалистическое правосознание равняется социалистическому убеждению. Оно является сущностью миросозерцания судьи, его второй натурой. Право имеет не самостоятельное, а производное значение, вырастая из материальных условий действительности. Если правовые понятия отражают в себе те особенности, которые свойственны материальным условиям жизни определенного класса, то и социалистическое правосознание, как совокупность правовых понятий, представляет собой результат опыта и идей, свойственных тому классу, который должен стремиться к социализму в силу самого своего материального положения.

В результате работ Маркса — Энгельса и Ленина можно считать установленным, что таким классом является пролетариат. Только пролетариату свойственно, в силу самого его материального положения среди других классов, то стремление к коренной перестройке общественных отношений, которое есть основа, цель и содержание социализма в общем значении этого слова.

Пролетарский социализм и пролетарское правосознание.

Пролетариат, следовательно, отрицает частную собственность не в силу каких-нибудь начал справедливости, нравственности и т. п. Он добивается отрицания частной собственности потому, что это требование вытекает из его материального положения.

Пролетариат — единственный класс, способный решительно и революционно итти к коммунизму, усваивая коммунистическое учение. Самым ходом общественного развития и развития капитализма пролетариат оказывается поставленным в такое положение, при котором его исторической задачей является ниспровержение старого общества. Но пролетариат не может разрешить этой задачи, не может уничтожить старого общества иначе, как революционным путем.

«Пролетариат,—читаем мы в «Коммунист. Манифесте»,— самый низший слой современного общества, не может

подняться, не может выпрямиться, не уничтожая в прах всю возвышающуюся над ним надстройку из слоев, образующих официальное общество».

Пролетариат, делая постоянно попытки «выпрямиться», ведет непрекращающуюся гражданскую войну. «Он ведет эту войну, — говорит Маркс в том же «К. М.»,—вплоть до того пункта, когда эта война превращается в открытую революцию, и пролетариат, путем насильственного низвержения буржуазии, кладет основание своему господству».

Вот почему пролетарский социализм — революционный социализм.

Самокритика пролетариата и закон.

Особенностью его является, между прочим, и то критическое отношение к собственным порядкам, учреждениям, действиям, какое он постоянно проявляет в своей практике. Самокритика, постоянная проверка, неустанное стремление прощупать до конца всякий факт и на нем проверить правильность общего принципа, уменье найти этот принцип и остаться верным ему в сложнейших жизненных отношениях, подчиняя его влиянию все свое поведение, но одновременно и критикуя его — вот характернейшие особенности пролетарско-революционного миросозерцания.

Для буржуа всякий созданный им закон — святыня. Он знает, что неприкосновенность закона и порядка, установленного активною волею одной части общества и пассивностью воли другой его части, является самой твердой опорой его социального положения.

«Потому-то и палка полицейского, которая, в сущности, является его собственной палкой, имеет для него удивительную умиротворяющую силу», — добавляет к изложенным выше словам Маркс.

У рабочего нет никаких оснований свято чтить буржуазные законы, но и к своим собственным законам он относится с разумной критикой.

Для буржуа вся сила — в его законах, в их подавляющем человека действии. Для пролетариата закон только п р и м е р н о е указание, а не незыблемая божественная истина. В его социалистическом сознании нет места ни

для каких фетишей (божеств), ни для какого обожествления. Применяя свой закон, он применяет его как хозяин, а не как раб; как господин, а не как подданный.

Закон для него—руководящее начало, примерное показание, известный предел.

Его социалистическое правосознание должно подсказать ему, как применить закон, как общее требование, к данному, частному явлению.

Определение понятия «социалистическое правосознание».

Вот почему, нам кажется, сущность социалистического правосознания можно определить как правосознание пролетариата, вытекающее из его обще-социалистических (или коммунистических) взглядов на природу преступления, на цель и задачи наказания, на смысл собственной государственной власти, как диктатуры, на самую государственную власть, как способ осуществления своих классовых интересов во имя коммунизма.

Когда статья 9 Уг. Код. предписывает при определении наказания руководствоваться «социалистическим правосознанием с соблюдением руководящих начал и статей» Уголовного Кодекса, имеется в виду руководство именно тем, насколько наложение того или иного наказания (меры социальной защиты) оправдывается коммунистическими убеждениями судьи. Можно было бы сказать, что это коммунистическое убеждение, это социалистическое (коммунистическое) правосознание его есть общая база (основание) всякого судейского решения.

Вот почему «социалистическое правосознание», лежащее в основе советской судебной деятельности, не только не покрывается действующими кодексами и текстами статей, но остается в полной силе и при наличии этих статей и писаных законов.

Но наше законодательство идет дальше. Оно не только содержит в себе общее указание на «социалистическое правосознание», но и указывает те обстоятельства, которые не могут не затронуть этого правосознания.

Эти обстоятельства содержатся в 24 и 25 ст. ст. Уголовного Код., составляя содержание особой главы общей части, посвященной вопросам определения меры наказания.

8. Основные принципы определения меры наказания.

Буржуазное равенство наказаний.

Наш уголовный закон в вопросе об определении меры наказания так же, как и во всех остальных вопросах, стоит на классовой точке зрения. Он отвергает формальное равенство наказания. В этом отношении он также расходится со старым, буржуазным или буржуазно-дворянским правом, которое держится именно этого «демократического» принципа общего равенства перед наказанием.

Буржуазный суд не считается при определении меры наказания ни с социальным ни с имущественным положением обвиняемого. Буржуазные судьи даже считают своей заслугой то обстоятельство, что они богатого присуждают к такому же наказанию, как и бедного. Но это-то и составляет вопиющую несправедливость... Если наложить на обвиняемого следуемый по закону штраф, независимо от его имущественного состояния или даже в зависимости от этого последнего, но в рамках установленных законом размеров, то в действительности получится самое настоящее неравенство. Так, напр., по 172 ст. Угол. Кодекса, оскорбление, нанесенное кому-либо действием, словесно или на письме, карается принудительными работами на срок до 6 мес. или штрафом до 500 руб. золотом или тем и другим.

Представим себе, что перед судьей будут стоять двое обвиняемых в оскорблении третьего лица—нэпман и дворник. Если бы судья и того и другого оштрафовал по 25 р. или по 50 р., то это было бы явной несправедливостью, явным нарушением равенства—нэпман пострадал бы меньше, дворник—больше. Для того же, чтобы равенство не было нарушено, следовало бы первого оштрафовать значительно сильнее, чем второго...

Или приговаривают к заключению в тюрьме буржуа, крестьянина или рабочего и заставляют их отбывать наказание в одиночной камере по-какой-нибудь, скажем, пенсильванской [1]) системе. Ведь наказание для всех равно!.. И нет буржуазному суду дела до того, что каждый из трех совершенно по-разному будут нести на себе тяжесть наказания, испытывая добавочное страдание, не предусмотренное никаким приговором, или, наоборот, испытывая облегчение, на которое по смыслу наказания осужденный не имеет никакого права.

Крестьянин, привыкший к полевым работам; рабочий, привыкший к заводу и фабрике, — как мучительно будут тянуться для них дни и месяцы одиночного заключения, в виду их полной неприспособленности к такому препровождению времени. Наоборот, интеллигент, буржуа будет чувствовать себя гораздо лучше в уединении, где он может заниматься умственной работой, где он может лучше, чем в общих камерах, предаваться чтению книг и т. п.

Вот почему в буржуазной карательной системе равенство наказания превращается в полную свою противоположность, в колоссальное неравенство.

Иначе представляется дело в советском суде. Здесь ни о каком равенстве наказания в буржуазном смысле слова нет и речи. Здесь можно подметить, скорее, определенные черты неравенства.

И это так же естественно, как и то неравенство в целом ряде вопросов, о которых говорит наша конституция. У нас ведь нет «демократии», у нас ведь торжествуют принципы диктатуры, т.-е. демократии без кавычек.

Диктатура пролетариата внесла решительные изменения в понимание того, что такое «свобода» и свобода, что такое «демократия» и демократия, она внесла изменения и в то, что такое равенство или неравенство наказания.

---

[1]) Так называется особая система тюремного одиночного заключения.

Что такое «классовая карательная политика»?

В соответствии с этим характер наказания должен считаться не только с содеянным в смысле его опасности, но и стоять в прямой связи с тем, к какому классу принадлежит сам содеятель. В сущности говоря, это все тот же вопрос о классовом подходе к разбираемым судом преступлениям граждан.

На происходившем в Москве в марте 1924 г. пятом Всероссийском съезде деятелей юстиции этот вопрос о классовом подходе судьи привлек к себе серьезное внимание. Один из основных докладов съезда—доклад т. Крыленко—был посвящен нашей карательной политике, при чем докладчиком не только была подчеркнута необходимость более строгого классового подхода, но и было дано определение этого классового подхода, этой классовой карательной политики пролетариата.

Основной принцип нашей карательной политики был выражен в докладе в следующих словах: «Карательная политика пролетарского государства должна строиться на неуклонном проведении классового начала».

Но что значит классовое начало? Некоторые представляют себе это классовое начало весьма упрощенно: оно, по этому упрощенному взгляду, есть не что иное, как метод (способ, средство) приложения различных точек зрения к деяниям, совершенным представителями различных классов, при чем к представителям рабочего класса и трудящихся вообще устанавливается заранее снисходительное отношение.

«Сначала посмотри, с кем имеешь дело», так формулировал эту упрощенность т. Крыленко.

Пролетарское происхождение и «классовая политика».

В действительности, классовый подход вовсе не означает подобного рода упрощенности. Конечно, посмотреть, с кем имеешь дело, необходимо и обязательно. Но этим не исчерпывается, с точки зрения классовых интересов пролетариата, задача. Задача оказывается гораздо сложнее и серьезнее. Она заключается в том, чтобы оценить действия обвиняемого с точки зрения классовых целей пролетариата, чтобы

оценку и самой личности обвиняемого произвести с этой же точки зрения.

Первая и основная задача судьи, с точки зрения правильного понимания классовых требований пролетариата, должна заключаться, таким образом, не только в том, чтобы «посмотреть, с кем имеешь дело», а в том, чтобы посмотреть, с ч е м имеешь дело.

Надо посмотреть, вредит ли данное преступление делу пролетариата в его революционном движении от капитализма к коммунизму и насколько вредит, опасен ли с точки зрения целей, поставленных себе пролетариатом, этот преступник и насколько опасен.

«Классовая политика — это политика, направленная к достижению целей данного класса».

Классовая политика пролетариата — это политика, направленная к достижению целей пролетариата.

Вот почему само по себе пролетарское происхождение, с точки зрения докладчика, не может служить при всех и всяких обстоятельствах мотивом к смягчению наказания.

Больше того. Можно представить себе не мало случаев, когда пролетарское происхождение должно рассматриваться не как смягчающее, а как отягощающее вину обстоятельство.

Правда, Уголовный Кодекс не содержит в себе ни одной статьи, которая сама по себе разрешала бы этот вопрос о классовом начале в наказании. Но что классовое начало есть основное начало нашей карательной политики, и именно в только что указанном смысле, это не подлежит никакому сомнению.

В принятой V Съездом по докладу о карательной политике резолюции этот момент подчеркивается достаточно убедительно. Здесь говорится, что «основным признаком, определяющим классовый характер проводимой судами политики при решении отдельных уголовных дел, является то обстоятельство, насколько такие решения соответствуют тем общим целям, которые поставил себе рабочий класс в целом, как задачу этой политики».

Эта резолюция дает совершенно ясное представление о том, что означает на нашем языке классовая политика в области судебной работы.

Стоя на этой классовой позиции, V Съезд признал, что в нашей карательной политике не могут иметь места «меры исправительно-трудового воздействия по отношению к заведомым классовым врагам, сознательно совершающим преступления и нарушающим законы советского государства, в силу классовой ненависти, классовой психологии или прежних классовых навыков».

Карательные меры и классовая политика.

По отношению к этой категории преступников устанавливается, таким образом, жесткая линия наказания—изоляция. Здесь единственное средство воздействия—удаление из общества, окружение условиями, исключающими для преступника возможность проявлять свою классовую ненависть, как говорит резолюция, свою классовую психологию и свои классовые навыки. Здесь исправление бессильно и бесцельно.

«Мы не утописты. Мы не собираемся исправлять классового противника путем привития ему в тюрьме коммунистических идей и симпатий к коммунистическому обществу».

«Мы утопистами никогда не были и подобными утопиями не занимались [1]).

Исправительно-трудовые меры и классовая политика.

Однако, советский суд придает громадное значение мерам исправительного воздействия, но лишь по отношению к трудящимся. И это опять-таки объясняется той же самой классовой точкой зрения на преступление и преступника.

Съезд деятелей советской юстиции по отношению к трудящимся, совершившим преступление, устанавливает иной подход, считая, что здесь, как общее правило, имеются для такого воздействия все необходимые условия. Психология такого преступника, если он не принадлежит к деклассированным и окончательно разложившимся эле-

---

[1]) Из речи т. Крыленко на V Съезде деятелей юстиции.

ментам, доступна трудовому воздействию; классовых навыков, враждебных интересам рабочего класса, у него нет, классовой ненависти—также. Вот почему эта категория преступников требует иного к себе отношения, которое и выражается в ином характере налагаемых на нее наказаний.

Эти наказания — сельско-хозяйственные колонии, фабрично-заводские поселки, специальные исправительно-трудовые дома, колонии для малолетних преступников и т. д. и т. п.

Уже из сказанного видно, что наша карательная политика строится совершенно иначе, чем политика дореволюционного времени. Она не только преследует определенно классовые цели, но и объективно является несравненно более разумной, экономной, целесообразной, чем какая бы то ни было карательная политика других классов.

Не ограничиваясь общими указаниями, Уголовный Кодекс в специальных статьях, посвященных вопросу о мерах наказания, дает судье конкретное руководство того, как эти общие указания применять.

24 и 25 ст. ст. Уголовного Кодекса.

Этому служат ст.ст. 24—31 Уг. Код., из которых особенное значение имеют 24, 25 и 28 ст.ст.

24 ст. указывает на необходимость, налагая наказание, учитывать степень и характер опасности преступления и преступника. Для этого суд обязан изучить не только обстановку преступления и личность преступника, но и его прошлое, его образ жизни, предшествующую преступлению деятельность. Здесь же указывается на обязательность для суда выяснить, насколько, как говорит закон, само преступление в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности.

Последнее замечание статьи особенно важно еще и потому, что по нашему правосознанию мера наказания должна соразмеряться не с преступлением, как нарушением закона, а с опасностью или неопасностью совершенного для пролетарской революции в данных условиях времени и места. Вот почему в нашей практике

наказания по тем преступлениям, которые потеряли свою остроту и значение, определяются судами мягче, чем по преступлениям, этой остроты не утратившим.

25 ст. содержит подробный перечень тех обстоятельств, которые должны влиять на меру наказания. Здесь находится указание на социальные причины преступления. Мы видим, что на меру наказания должно влиять: 1) совершено ли преступление из целей восстановления власти буржуазии или в интересах чисто личных, 2) направлено ли преступление против государства или против отдельной личности, 3) совершено ли оно в состоянии голода и нужды, 4) из низменных и корыстных побуждений, 5) по невежеству или с полным сознанием причиняемого вреда, 6) профессиональным преступником или в первый раз, 7) одним лицом или шайкой, 8) путем насилия или нет, 9) с жестокостью, хитростью, по заранее обдуманному намерению, 10) неосторожно, в запальчивости, под влиянием принуждения и, наконец, 11) взрослым или несовершеннолетним.

Значение 25 ст. Уг. Код.

Законодатель стремился обозначить все те обстоятельства, которые призваны играть исключительно важную роль при определении меры наказания. Конечно, этот перечень не носит исчерпывающего характера. Жизнь настолько многообразна, что все оттенки, все извилины ее исчислить даже в ряде статей и целых кодексов нет никакой возможности.

В подобной попытке дать исчерпывающий перечень обстоятельств, влияющих на меру наказания, не было бы никакого смысла еще и потому, что суд должен руководствоваться своим социалистическим правосознанием, а это освобождает от необходимости давать исчерпывающий список всех подобных обстоятельств.

Но если этот перечень 25 статьи не носит исчерпывающего характера, то он во всяком случае носит категорический (обязательный, безусловный, твердый) характер. Это значит, что суд, установив наличность в деле одного из указанных в 25 ст. обстоятельств, обязан учесть его при постановке приговора и при определении меры наказания.

В практике наших судов несоблюдение этого требования 25 ст. влечет за собой отмену приговора. Так, в одном из решений Моск. Губ. Суда (по д. № 36—1922 г.) мы читаем следующее: «Дело в части социального и семейного положения не обследовано. Судом не принято во внимание наличие малолетних детей и затяжная болезнь мужа, который, по представленным справкам, в это время умер. Все означенные обстоятельства, вследствие крайней нужды, безусловно толкали подсудимую на совершение преступления, что должно было быть учтено судом в порядке ст. ст. 25 и 26 Уг. Код.» [1]).

В этом определении очень отчетливо виден тот особый подход к оценке преступления, который свойственен нашему суду, как суду, осуществляющему классовую политику пролетариата.

В духе принципа, выраженного в 25 ст., высказался и V Съезд деятелей юстиции, предложивший изъять из судебного производства мелкие кражи до 5 руб., совершенные рабочими, занятыми в производстве, если они совершены в первый раз и в пределах предприятия. Съезд признал необходимым все такие дела передавать на рассмотрение особых административно - профессиональных комиссий.

Высший и низший пределы наказания (ст. 27 Уг. К.).

Но руководство в определении меры наказания дается не только указанными статьями, но еще и ст. 27, представляющей также значительный интерес.

В этой статье дается подразделение всех преступлений на две категории: наиболее опасных с точки зрения установленного революцией правопорядка и всех остальных. Смысл этого разграничения заключается в том, что наказания, установленные в законе для первой категории, не подлежат понижению судом; наказания же, установленные для второй категории, определены, как высший предел и, следовательно, допускают понижение по усмотрению суда.

---

[1]) См. Уг. Код., изд. 1923 г. М. Г. С.

Так, напр., умышленное убийство, совершенное из корысти и т. п. низменных побуждений или совершенное опасным для многих лиц способом (ст. 142 Уг. К.), подлежит наказанию лишением свободы «не ниже 8 лет со строгой изоляцией».

Умышленное же убийство, совершенное под влиянием сильного душевного потрясения, наказывается «лишением свободы на срок до 3-х лет» (ст. 144 Уг. К.).

В данном случае решающим моментом является опять-таки благо революции—«благо революции—высший закон». Это благо, которому могут угрожать преступления, признанные в законе наиболее опасными, не может не охраняться государственной властью пролетариата особенно внимательно. Именно в силу этого воля судьи, поскольку она проявляется в определении меры наказания, оказывается связанной высшей волей — волей творящих социалистическую революцию трудящихся классов.

Но и здесь наш закон не замыкается в холодные границы отвлеченного принципа. Стремясь отозваться на всякое требование жизни, стремясь остаться при всех обстоятельствах верным своему основному принципу — целесообразности, Уголовный Кодекс и в этих случаях предоставляет суду возможность отступить от этого правила.

«Ниже низшего предела»... (ст. 28 Уг. К.).

Ст. 28 Уг. Код. и посвящена этому вопросу. Она объясняет, что в исключительных обстоятельствах, когда суд придет к убеждению в необходимости назначить меру наказания «ниже низшего предела наказания, указанного в соответствующей данному преступлению статье Уголовного Кодекса», или перейти к другому, менее тяжкому роду наказания, чем это указано в данной статье, суд в праве допустить такое отступление.

28 ст., однако, обязывает суд точно изложить в своем приговоре мотивы, которые побудили его это сделать.

Совершенно очевидно, что те начала, которые руководят у нас судейской деятельностью при определении меры наказания, счастливым образом сочетают в себе два основ-

ных требования, предъявляемых органам правосудия: свободу судейского убеждения и общественно-государственный интерес.

Эпоха переходного времени, дышащего огнем невиданной революции, не может ограничиться осуществлением только одного первого требования. Суд переходной эпохи — не третейское разбирательство споров и недоразумений временно разделившихся на враждебные стороны товарищей или друзей. Это — одно из могущественнейших орудий пролетарской диктатуры.

«В руках рабочего класса государственная власть, это — топор, который он держит наготове против буржуазии», — писал о государственной власти т. Бухарин в своей «Программе коммунистов».

С неменьшим правом можно так именно охарактеризовать и пролетарский суд. Это тот же топор в руках того же рабочего класса и против той же буржуазии.

Отправление правосудия в условиях переходного времени, в условиях обостреннейшей гражданской войны, — это та же классовая борьба. Вот почему и здесь должны действовать с неумолимой твердостью и неизбежностью те же законы, какие управляют классовой борьбой вообще. А это, в свою очередь, объясняет ту связанность воли, которая присуща судье, как революционеру, как коммунисту, как борцу за великие социальные идеалы...

9. Содержание советской карательной системы.

Изоляция и трудовое воспитание.

Мы видели выше, что основная задача советского суда и советской карательной политики заключается в ограждении пролетарской революции и установленного ею общественного правопорядка от всяких посягательств. Мы видели также, что способами этого ограждения являются в нашей карательной системе — изоляция и трудовое воспитание.

Нет никакого сомнения, что, чем глубже пролетарская революция будет пускать свои корни, чем тверже и крепче будет становиться весь уклад новой жизни, тем реже

и реже будет применяться изоляция, уступая место трудовому методу воздействия.

Если в настоящее время метод исправления не получил должного развития и распространения, то это стоит в прямой связи с теми обще-хозяйственными условиями нашей государственной жизни, которые лежат тяжелым грузом лишений и недостатка и на всех остальных областях ее. Раны гражданской и в еще большей степени империалистической войн все еще окончательно не залечены. И, несмотря на колоссальные успехи, которые достигнуты творческими усилиями пролетариата и вообще трудящихся, мы еще далеки от того благополучия, которое позволило бы уделять необходимые средства на нужды тюремного дела.

К этим причинам общего, так сказать, характера присоединялись и причины специального порядка. Первые три—четыре года гражданской войны не могли благоприятствовать установлению нормальной карательной системы. В эти годы деятельность нормальных судебных органов значительно вытеснялась деятельностью административных и чрезвычайных органов власти. Даже в 1920 г. число дел, приходившихся на долю Чрезвычайных Комиссий, достигало 30,5% и на долю «прочих административных учреждений» — 17,8% всех дел. Между тем, уже в 1921 г. число таких дел значительно понизилось. В этом году на долю чрезвычайных и административных органов приходится уже не 48,3% (30,5+17,8), а 28,2%.

Но 1921 г. далеко еще не спокойный год. Особенно это сказывается на далеких окраинах. Вот почему именно здесь (напр., в Сибири) число административных решений колеблется очень значительно, достигая иногда даже 48,3%.

При таком положении вещей — положении, объясняющемся глубокими причинами объективного (независимого от наших желаний) характера, — нет ничего удивительного в том, что исправительно-трудовая система воздействия не получила необходимого развития и не заняла подобающего ей места в нашей карательной политике.

Этому способствовало еще и другое обстоятельство.

Старое законодательство тоже признавало всю важность тюремного труда и весь вред тюремной праздности.

Труд в буржуазных тюрьмах.

«Праздность при совместном помещении арестантов была главным основанием нравственно-растлевающего влияния старой тюрьмы», писал по этому поводу 30 с лишним лет тому назад один из виднейших представителей старой школы криминалистов, сенатор и профессор Таганцев [1]).

«Поэтому,—продолжал он, — при первых же попытках тюремной реформы введение работы в тюрьмах... было выдвинуто на первый план. Таким образом, — заключает он, — работа составляет необходимое условие современной тюрьмы».

Однако, тюремная работа в дореволюционных тюрьмах, за самыми ничтожными исключениями, представляла собой сплошную нелепость, издевательство и мучительство. И это даже в том случае, когда она производилась не как бессмысленное переливание из пустого в порожнее, а даже как работа в мастерских и фабриках.

В прошлом столетии в просвещенной и демократической Англии (в 1856 г.) заключенных заставляли перекладывать тяжелые ядра с одного места на другое — и это называлось работой. Пускалась в ход «ступальная машина», т.-е. большое колесо с лопастями, на которые становились арестанты и тяжестью своего тела приводили его в движение. И это тоже носило название «работы»... Это было семьдесят лет тому назад... Но и сейчас, во многих тюрьмах и, так называемых, исправительных заведениях Запада работы организованы так, что личные наклонности работающего игнорируются совершенно. Протекая в самых нездоровых условиях, при помощи давно устаревших машин и отживших свой век орудий и инструментов, эти работы превращаются в бессмысленную трату времени и сил. Из боязни составить конкуренцию частным промышленникам, тюремная техника сознательно держится на самом низком уровне, лишая работу арестантов какой

---

1) Таганцев. Курс уголовного права.

бы то ни было ценности. Заработная плата арестанта крайне низка. Заключенный нисколько не интересуется своей работой, даже проникается к ней отвращением, достигающим высшей степени [1]).

Что собой представляла русская каторга и тюрьма, это всем хорошо известно [2]). Если на русской каторге и имелись работы производительного характера (постройка жел. дор., проведение шоссе, добыча металла и т. д.), то производились они в такой обстановке, с такой растратой человеческих сил и жизней, что не могут заслужить никаких оправданий.

В прошлом году Верховный Суд РСФСР, рассматривая дело так называемых «царских тюремщиков» во главе с тюремным генералом Сементовским, установил процветание в старых тюрьмах, в добавление к царившим здесь «работам», таких вопиющих способов управления каторгой, от одного описания которых волосы становятся дыбом. Людей «принимали» в баню — оттуда выносили замертво. В мастерских (напр., Орловских) «работали» так, что для самозащиты арестанты вынуждены были строить баррикады. Усиленно практиковались розги и всевозможные способы мучительства — «загибанье петушков», «загибанье уточек» и т. д.

Вполне понятно, что при таких условиях всякий труд, даже рационально организованный, превращался в сплошное издевательство и мучительство.

Труд в советских местах лишения свободы.

Трудовой режим в коммунистическом понимании решительно отличается от трудового режима в кавычках дореволюционного времени. Это, конечно, не требует никаких доказательств. Но для того, чтобы он был организован соответственно нашим взглядам и желаниям, ему необходимы средства. Нужны

---

[1]) Георг Граднауэр. Характеристика карательной системы. сборник: «Угол. право и социализм».

[2]) См. Достоевского (Записки из мертвого дома), Дорошевича (Сахалин) и др.

мастерские, инструменты, сырье, — нужны опытные и преданные делу руководители.

Нечего и говорить, что все это было совершенно недоступно нам в первые годы революции, да и сейчас доступно далеко не в полной мере.

В отчете Народного Комиссариата Юстиции о состоянии тюремного дела за 1921 г. указывается еще одно обстоятельство, мешавшее правильной постановке воспитательно-трудовых процессов в наших местах заключения. Это — отсутствие достаточного числа и достаточно приспособленных для этих воспитательных целей помещений, крайняя скученность в них людей. Так, напр., на 1 января 1921 г. в 267 домах лишения свободы на 60 тыс. мест приходилось 73 тыс. заключенных, при чем в некоторых случаях на 100 мест приходилось даже 254 лишенных свободы.

К этим обстоятельствам необходимо присоединить еще и недостаточное снабжение мест лишения свободы. Голодный (1921-ый) год сказался и здесь, конечно, с особенной силой...

Но и при всех этих неблагоприятных обстоятельствах исправительно-трудовое дело у нас постепенно налаживается и делает значительные успехи.

В том же 1921 г. в ведении ЦИТО (Центр. Испр.-Труд. Отдел) было уже 470 мастерских, а именно: столярных—107, кузнечно-слесарных—99, сапожных—96, портновских—80, переплетных—17, жестяных—12, ткацких и бондарных — по 8, шорных, прачечных и типографий — по 6 и т. д.

Трудовой режим в 1919—1921 г.г.

Правда, число занятых в них заключенных еще невелико (10,8%). Но как ни мал процент работающих, он почти в пять раз превышает процент 1919 года [1])... А это уже показательно...

Если обратиться к другой области труда — сельскому хозяйству, то здесь в первые годы революции дело оказалось еще печальнее, чем в области городской промышленности (в местах лишения свободы).

---

[1]) См. сб. отчетов НКЮ.

Достаточно сказать, что в 1918 г. ЦИТО имел всего лишь 2 колонии и 2 фермы. Однако, в 1919 г. их было у него уже 8 колоний и 9 ферм, в 1920 г. — 15 колоний и 15 ферм и в 1921 г. — 26 колоний и 15 ферм.

В этих немногочисленных колониях и фермах скота было мало, мертвого инвентаря — недостаточно, недостаточно было, как это ни покажется на первый взгляд странным, даже земли, ибо земельные органы или вовсе не давали земли или давали, как общее правило, на краткие сроки, что в высшей степени затрудняло работу колоний.

Трудовой режим и новая экономическая политика.

1921—22 г.г. оказались в нашей исправительно-трудовой политике переломными. Новая экономическая политика дала возможность более широко и хозяйственно поставить труд лишенных свободы. Явилась возможность работы поставить на настоящую коммерческую ногу. При Главном Управлении Местами Заключения организовалось целое хозяйственно-производственное объединение «Куст», на которое и было возложено осуществление особой производственной программы.

1922 год дал уже значительный подъем «тюремной» промышленности, значительное расширение применения трудовых методов воздействия. В этом году функционировали (действовали) 982 мастерские (против 470 мастерских в 1921 г.) и, кроме того, были пущены в ход 15 заводов, 9 электрических станций и 7 мельниц.

Интересно отметить также и то, что в этом году в работах принимали участие 38% всех лишенных свободы.

Так обстояло дело в 1922—23 г.г.

В каком же состоянии находится исправительно-трудовое дело в настоящее время?

Как видно из отчета Гл. Управления Местами Заключения, представленного XI Съезду Советов, к этому времени пришлось проделать большую организационную работу, которая выразилась раньше всего в основной перегруппировке мест заключения: концентрационные лагери были ликвидированы, арестные дома преобразованы в дома предварительного или краткосрочного заключения и т. д.

Исправи-тельно-трудо-вой Кодекс.

Эта организационная работа завершилась созданием особого Исправительно-Трудового Кодекса, представляющего собой крупное завоевание в деле нашего тюрьмоведения[1]).

В этом Кодексе отразился весь опыт предшествующего шестилетия, в нем оказались подведенными итоги всей нашей работы за этот знаменательный период времени.

Вот почему краткий очерк состояния нашего тюремного дела, в связи с основными моментами Исправительно-Трудового Кодекса, представляет громадный интерес.

Останавливая свое внимание на этом Кодексе, раньше всего надлежит сказать несколько слов о тех общих началах, которые легли в его основу.

В ст. 4 этого Кодекса указывается, что «исправительно-трудовое воздействие на заключенных, в целях полного и действительного его осуществления, должно производиться путем усовершенствования и максимального развития, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем, сети трудовых сельско-хозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительных домов, устраиваемых вне городов».

Тюрьма дореволюционного времени, конечно, совершенно не подходит для нашего исправительно-трудового режима. Ибо нашей задачей является воспитание преступника; воспитание, конечно, советское, т.-е. такое, которое укрепляет и развивает в нем такие качества характера и навыки, которые могли бы сделать его полезным членом трудового общества и удержать его от совершения новых преступлений.

Осуществление этой задачи возможно путем применения ряда последовательных мероприятий, составляющих целую систему, изложенную в ИТК (Исправительно-Трудовом Кодексе) и носящую название «прогрессивной».

«Прогрессивная» система применяется во всех случаях, кроме строгой изоляции, и состоит в том, что лишенный свободы, в зависимости от своего поведения, усвоения

---

[1]) См. проект Исправ.-Труд. Код.

трудовых принципов и т. п., получает последовательное улучшение своего положения, переходя от несвободного режима к режиму полу-свободному и свободному.

Лишенные свободы распределяются по учреждениям различных типов, разделяясь здесь на различные разряды; они последовательно проходят ряд ступеней, в зависимости от своих успехов в работе и поведении (ст. 7 Кодекса), пока не докажут полного исправления. В этих учреждениях времяпрепровождение заключенных организуется так, что устраняется всякое влияние наиболее порочных элементов.

Это, однако, чрезвычайно сложная задача. Ни одна тюремная система, если она не построена на самой строгой изоляции, до сих пор не разрешила намеченной задачи.

Наоборот, все то, что мы знаем о характере жизни заключенных в общих камерах, говорит об исключительно отрицательных результатах общего заключения.

«Здесь,—говорит один из видных немецких тюрьмоведов, Кроне, — обмениваются преступным опытом: вор учится у фальшивомонетчика, мошенник — у совершавшего подлоги, насильник — у опытного преступника против нравственности, все у всех».

Школа преступности, действительно, основательная. И эту школу порока и разврата превратить в школу труда и берет на себя наша исправительно-трудовая система.

Задача трудная и требующая величайшего напряжения сил.

Задача облегчается, однако, тем, что решать ее приходится в условиях величайшего движения трудящихся масс, величайших успехов коммунистической борьбы за будущее.

Переживаемая нами революция, поднявшая и вооружившая невиданной активностью громадные «черноземные» пласты трудового народа, не может не оказать своего творческого влияния и на это дело.

В нынешних исторических условиях борьба с преступностью методом (способом) воспитания в духе труда не является поэтому утопической затеей.

Советская тюрьма, построенная в соответствии с основными началами ИТК, опирающегося, в свою очередь, на принципы научного коммунизма, должна, действительно, стать школой и лечебницей.

В наш переходный период, как и в дореволюционное время, тюрьма все еще рекрутирует свою армию из людей, принадлежащих в большинстве своем к трудящимся классам. Тюрьма, превращенная мощью социальной революции в трудовую школу, способна при правильной своей организации ослабить и искоренить дурные привычки, унаследованные от прошлого, и укрепить хорошие, общественные навыки, нужные будущему.

Совершающаяся за стенами тюрьмы революция ломает весь старый быт, воспитывает новые привычки, создает новых людей, новые общественные отношения, новые формы труда, обогащает общество новыми культурными [1]) ценностями и прогоняет в далекое прошлое разврат кабаков и босяцких притонов. Революция, которая с каждым следующим годом обеспечивает все большему числу людей возможность трудиться и быть сытыми, — является лучшим залогом того, что успешность борьбы за новую исправительно-трудовую систему обеспечена...

Перейдем теперь к этой исправительно-трудовой системе, как она рисуется по Кодексу.

Исправительно-Трудовая система.

а) Типы мест заключения.

Исправительно-Трудовой Кодекс знает восемь типов мест заключения:

1) дома предварительного заключения — для состоящих под следствием;

2) дома краткосрочного заключения — для лишенных свободы на срок не свыше 6 месяцев;

3) исправительно-трудовые дома — для приговоренных к лишению свободы на срок свыше 6 мес.;

4) трудовые колонии: сельско-хозяйственные, ремесленные, фабричные — для приговоренных к лишению свободы

---

[1]) Культура — совокупность всех достижений человечества в хозяйственной, технической, умственной, духовной и др. областях. Произведения техники, науки, искусства — все это «культурные ценности»...

без строгой изоляции до 5 лет; для помещения в эти колонии необходима наличность следующих условий: принадлежность к классу трудящихся, совершение преступления в первый раз, по несознательности, случайно или вследствие тяжелых материальных условий, и отсутствие оснований опасаться побега;

5) изоляторы специального назначения — для приговоренных к строгой изоляции;

6) переходные исправительно-трудовые дома — для тех, кто обнаружил исправление; полусвободный режим;

7) трудовые дома для несовершеннолетних;

8) учреждения для больных заключенных: больницы, убежища для туберкулезных, институт психиатрической экспертизы [1]).

Заключенные каждого из указанных домов лишения свободы должны быть поставлены в такие условия, при которых они могли бы проявить свою самодеятельность и инициативу. Труд и книга — вот средства воздействия на заключенных, провозглашаемые новым кодексом.

Ни кандалов, ни наручников, ни карцеров, ни лишения пищи ни свиданий через решетку. ИТК решительно отвергает эти варварские приемы воздействия, положительно их запрещая в ст. 51.

б) Труд обязателен для всех.

Для всех заключенных труд обязателен [2]). При этом трудовые процессы должны быть так организованы, чтобы заключенные могли обучиться какой-либо специальности и могли бы применить ее по выходе на свободу [3]).

Из этого видно, что организация в домах лишения свободы работ, хотя и носит, как это видно из ст. 61 ИТК, коммерчески - хозяйственный характер [4]), но основной целью имеет воспитание и обучение. Труд заключенных

---

[1]) Ст. ст. 48, 49 ИТК.

[2]) Ст. 54.

[3]) Ст. 64.

[4]) Ст. 61: «Работа в мастерских организуется хозяйственным способом»... Ст. 77: «Все работы в местах заключения, в целях их развития, организуются по принципу хозяйственного расчета»...

оплачивается: они получают, согласно ст. 68 ИТК, за труд вознаграждение, которое определяется в зависимости от продуктивности их труда, а также и от доходности работ.

в) Культурно-просветительная работа. Параллельно (соответственно) трудовому дню в домах лишения свободы строится и день учебы. Исправительно-Трудовой Кодекс предусматривает широко поставленную культурно-просветительную работу.

Задача последней состоит в поднятии умственного уровня и гражданского развития заключенных (ст. 83); в этих целях им сообщаются обще-образовательные и профессиональные знания, политграмота и т. д. Культурно-просветительная работа строится на максимальной самодеятельности, для укрепления которой допускается организация «Культурно-просветительных комиссий из выборных от заключенных».

Минимум школьной работы—ликвидация неграмотности, при чем посещение школы обязательно для всех неграмотных и мало грамотных, кроме стариков, достигших 50-летнего возраста.

Внешкольная работа охватывает работу кружков, клубов, библиотек с широкой постановкой лекций по советскому строительству и лекций научно-популярного значения. Культивируется спорт, хоровые, драматические, шахматные кружки, концерты, живая газета и т. п.[1]).

Такова воспитательно-трудовая система домов лишения свободы, как она рисуется по схеме Исправительно-Трудового Кодекса.

Разумеется, на деле, в действительности, жизнь заставит в известной степени отойти от этой схемы и, к сожалению, не в лучшую, а в худшую сторону.

Все это мы хорошо знаем. Но упорная работа в направлении, устанавливаемом Кодексом, при всех неблагоприятных условиях, даст и не может не дать такие результаты, какие даже не снятся работникам тюремного дела в других странах.

---

[1]) Ст.ст. 98—104 ИТК.

И это проистекает из двух обстоятельств: первое — могучая творческая сила революции, второе — большевистское упорство и энтузиазм (воодушевление), столько раз уже приходившие нам на выручку.

В самом деле. Кто мог бы поверить несколько лет тому назад в блестящие успехи рабоче-крестьянской красной армии, буквально возродившейся из пепла? Кто мог бы поверить в чудесный прорыв мировой буржуазной блокады? Кто мог бы поверить в сверхъестественный успех валютной реформы? А возрождение нашего транспорта, нашей промышленности, всего нашего хозяйства? Кто мог бы поверить во все эти советские чудеса, если бы все они не прошли перед нашими глазами! То же и в трудном, но великом деле нашей борьбы с преступностью.

Фронт этот незаметный. Фронт этот небольшой и короткий, и в этом наше счастье. Но это больной и опасный фронт. Его уничтожение или, по крайней мере, сокращение до предела — дело чести рабоче-крестьянской республики. И нет сомнения, что борьба на этом фронте даст нужные результаты.

В значительной степени задача облегчается тем, что система Исправительно-Трудового Кодекса выросла, так сказать, из нашей собственной действительности. Корни системы, изложенной в Кодексе, находятся в нашей почве; Кодекс лишь обобщил и свел в систему весь наш предшествующий опыт, явился в известной степени итогом нашей нынешней практики.

Разница между практикой и строющейся системой, конечно, громадна. В Кодексе мы видим яркую картину уже построенного и отделанного по всем правилам мастерства здания. В нынешней нашей практике мы видим лишь слабые и нерешительные очертания этого великолепного в будущем здания.

Но и то и другое — и будущее и нынешнее — строится из одного материала, теми же самыми руками, теми же самыми мастерами и техниками, и нет никаких оснований бояться за конечную судьбу его.

Мы сказали, что ИТК — в известной степени итог нашего практического опыта. Так ли это?

Современное состояние исправительно-трудового дела в Советском Союзе.

а) Мастерские.

Если обратиться к рассмотрению того, в каком состоянии находится у нас сейчас исправительно-трудовое дело, то мы увидим, что в 1922 г. всего было проведено за работой заключенными 4.870.811 суток, а в 1923 г. эта цифра доходит до 8 мил. суток.

Если обратиться к изучению особой таблицы движения работающих по месяцам (в 1922 г. и в 1923 г. отдельно и сравнительно), то окажется, что на количество рабочих дней заметно влияет время года: первые четыре (а в 1922 даже пять) месяца дают на 16—20% в среднем меньше рабочих дней, чем четыре последних месяца.

Причина этого заключается в тяжелом материальном положении наших домов лишения свободы.

«Отметим, кстати, — говорит по этому поводу отчет, — специфическую особенную черту трудовой практики в местах заключения: холодные месяцы года неминуемо влекут за собой уменьшение выходящих на работы, так как сплошь да рядом заключенные разуты и раздеты» [1]).

Сравнивая, далее, 1922 г. и 1923 г., мы видим некоторые успехи и в смысле большего количества фактически работающих: вместо 38% уже почти 41%. Три процента увеличения — это все же увеличение.

Но не надо забывать и другого обстоятельства. В то время, как количество проведенных в заключении суток увеличилось по сравнению с 1922 г. на 58% (с 12 мил. до 19 мил. суток), количество суток, проведенных за работой, поднялось с 4.870.811 до 7.817.566 (т.-е. на 75%).

Следовательно, общее увеличение проведенных за работой суток поднялось весьма значительно, а это указывает на значительные успехи трудового режима.

Что касается характера работ, то они рисуются в следующем виде.

В 1921 г. у нас работало в местах лишения свободы 471 мастерская, в 1922 г. — 982 мастерских, в 1923 г. —

---

[1]) Отчет XI Съезду Советов.

мы имеем уже 1.282 мастерских и 96 предприятий фабрично-заводского типа (против 30 в 1922 г.).

Интересно и распределение этих мастерских и предприятий по специальностям. Больше всего, конечно, мастерских, наименее сложных по техническому оборудованию: 236 сапожных мастерских, 214 столярных, 199 — портновских, 144 — кузнечных, 170 — слесарных, 52 — бондарных, 32 — жестяночных, 38 — переплетных; ткацких, авторемонтных, прядильных, токарных, часовых, электро-монтерных и т. п. — всего лишь по нескольку, от 7 до 1 — 2.

То же самое и в отношении фабрично-заводских предприятий: больше всего кирпичных заводов (12) и мельниц (15); остальные, более сложные предприятия, имеются в ничтожном количестве — в большинстве по одному. Исключение составляют лишь типографии (15) и силовые станции (8).

В области сельско-хозяйственной работы также достигнуты по сравнению с 1922 г. некоторые результаты.

Если в 1922 г. в распоряжении Главумзака (Главное Управление Местами Заключения) было 32 колонии и 28 ферм, то в 1923 г. оно имело уже 33 колонии и 47 ферм, при чем площадь землепользования за то же время увеличилась с 19 тыс. десятин до 22 тыс. дес., т.-е. на 15%.

Качественный состав работ заключенных характеризуется той оценкой, которую они получили на Всесоюзной с.-хоз. и промышленной выставке 1923 г. Работы заключенных были сосредоточены в трех выставочных павильонах, при чем по отделу земледелия они были награждены почетным дипломом 3 степени и по садово-огородному отделу — почетным дипломом 2 степени.

Все это свидетельствует о крупных победах, одерживаемых нашей республикой и на этом тяжелом фронте.

б) Просвещение.

Переходя к культурно-просветительной работе в нынешних местах лишения свободы, нужно сказать, что и здесь достигнуто чрезвычайно многое, решительно отличающее эти места от дореволюционных тюрем.

Совершенно очевидно исключительное значение культурно-просветительной работы. Также очевидно, что в этой

работе громадное значение должно принадлежать ликвидации неграмотности, этому настоящему бичу нашей русской жизни и, вообще, жизни СССР.

В действительности, борьбе с неграмотностью и уделяется в наших местах лишения свободы главное внимание. Ликвидация неграмотности и составляет поэтому главное содержание культурно-просветительной деятельности нашего управления местами заключения.

Однако, эта отрасль работы не единственная на культурном фронте. Одновременно наша карательная система ставит перед собой и задачи общественно-политического воспитания заключенных.

Обучение политической и политико-экономической грамоте, литературе, истории и т. д. также входит в круг задач, осуществляемых нашей «тюремной» учебой. Эти две области работы дополняются третьей — организацией разумных развлечений: спектаклей, концертов и т. п.

Конечно, было бы большой ошибкой преувеличивать значение ведущейся в наших местах заключения культурно-просветительной работы. Мы знаем, что результаты этой работы еще очень скромны. Но, несмотря на это, они заслуживают серьезного внимания. Уже в отчетах за 1921 г. мы находим ряд данных, иллюстрирующих эту работу. Однако, данныя эти далеко неполные и, в силу этого, не позволяют делать какие-либо обобщающие выводы.

Данныя за 1922 г. гораздо полнее, и поэтому к ним мы и обращаемся.

За 10 месяцев этого года в ряде мест лишения свободы (мы говорим о тех, которые представили отчеты, — это около 75% всех мест) было прочитано около 9000 лекций и было организовано около 4000 спектаклей, концертов и т. п. развлечений.

Эти цифры весьма показательны: они дают в среднем на одно место заключения шесть лекций и около трех постановок в месяц, т. е. почти раз в три дня заключенные имели культурную пищу.

В школах грамотности во всех местах лишения свободы за тот же срок перебывало свыше 30.000 чел. Это, ко-

нечно, крайне ничтожное количество: на каждую школу не более 12 чел. и на каждое место заключения не более 23 чел. Но не надо забывать, при каких условиях строится наше тюремное дело, как ничтожны наши средства, как велики наши обще-государственные нужды!

Только помня об этом, можно правильно расценить значение и этих небольших культурных завоеваний революции.

Правда, общехозяйственное положение нашего государства и в следующем году было далеко не блестящим, но тем замечательнее успехи наши в этом году, когда уже почти не было места заключения без школы.

В самом деле, в 1923 г. на 206 мест лишения свободы мы уже имеем 284 школы, из которых: школ грамоты — 155, школ для малограмотных — 93, повышенного типа — 30, сельско-хозяйственных и технических — 6[1]).

Ежемесячно через школы в этом году проходило до 6.000 чел. Это далеко не все, нуждающиеся в школе: из 5.897 неграмотных в ней обучалось лишь 2.430 чел., т.-е. 41,2%, и из 11.645 малограмотных — лишь 1.796 чел., т.-е. 15,4%. Отсюда видно, какое необъятное поле деятельности открывается перед нами в этой области!

На помощь школе приходит клуб. В 1923 г. в местах заключения функционировало от 181 до 358 кружков. Эта кружковая работа шла, главным образом, по театральной линии: драматических и музыкальных кружков мы имели больше всего (153 кружка). Вообще же, кружков ненаучного характера было свыше 160. Среди остальных мы встречаем: по одному — общеобразовательных, санитарных и марксистских; по два — шахматно-шашечных, математических; по три — спортивных и агитационных; по пять — политических, по семь — лекционных; по восемь — литературных.

Интересны статистические данныя о количестве участников этой культурной работы. По данным 207 мест лишения свободы за январь 1923 г. посетило: лекций—53.464 ч.,

---

1) См. «Пенитенц. дело в 1923 г.», откуда заимствован цифровой материал.

спектаклей — 105.055 ч., кружки — 2.594 ч., всего же — сто шестьдесят одна тысяча сто тринадцать человек.

Если бы государство располагало большими средствами, то, вне всякого сомнения, объем работы был бы значительно больше. Но и в этих скромных цифрах достаточно подчеркивается все колоссальное значение проделываемой нашими местами заключения культурно-просветительной работы.

Совершенно прав поэтому один из отчетных докладов Народного Комиссариата Юстиции, подчеркивающий, что «советская исправительно-трудовая система своими просветительными мероприятиями пытается отвлечь внимание и духовные силы лишенных свободы от тупых, бессмысленных, часто порочных привычек старой царской тюрьмы, заполняя их досуг развлечениями, литературными занятиями и систематическим общеобразовательным и политическим просвещением»[1]).

Здесь скромно говорится лишь о «попытках» оздоровить жизнь этих «мертвых домов», полученных в наследство от царизма, со всеми их мрачными традициями. Но именно учитывая эти традиции, учитывая всю глубину разврата, укоренившегося в старых тюрьмах, и невозможность одним ударом покончить с ним, съезд работников пенитенциарного дела (в Москве, 18—24 окт. 1923 г.) усмотрел свою задачу в том, чтобы осуществить хотя бы минимальную часть своей общей программы. Этот минимум съезд видел в том, чтобы в наших местах заключения содержащиеся в них, по крайней мере, не развращались.

«Наша задача, — говорил по этому поводу на съезде докладчик т. Дябло, так построить культурно-просветительную работу, чтобы наши камеры не стали (мы бы сказали: п е р е с т а л и быть, *А. В.*) тайными игорными притонами или университетами карманной кражи и бандитизма... Наша цель так поставить культурно-просветительную работу, чтобы это влияние преступных элементов было целиком парализовано»...

---

[1]) Отчет НКЮ XI-му Съезду, стр. 37.

Это, разумеется, вполне реальная точка зрения. Она исключает всякие иллюзии (мечты) насчет немедленных и глубоких достижений в этом трудном деле, да еще вынужденном строиться в таких труднейших условиях государственной жизни, как наши.

Но задача поставлена правильно. И то, что сделано уже в этой области, свидетельствует о правильно взятом курсе, о не зря потерянных силах.

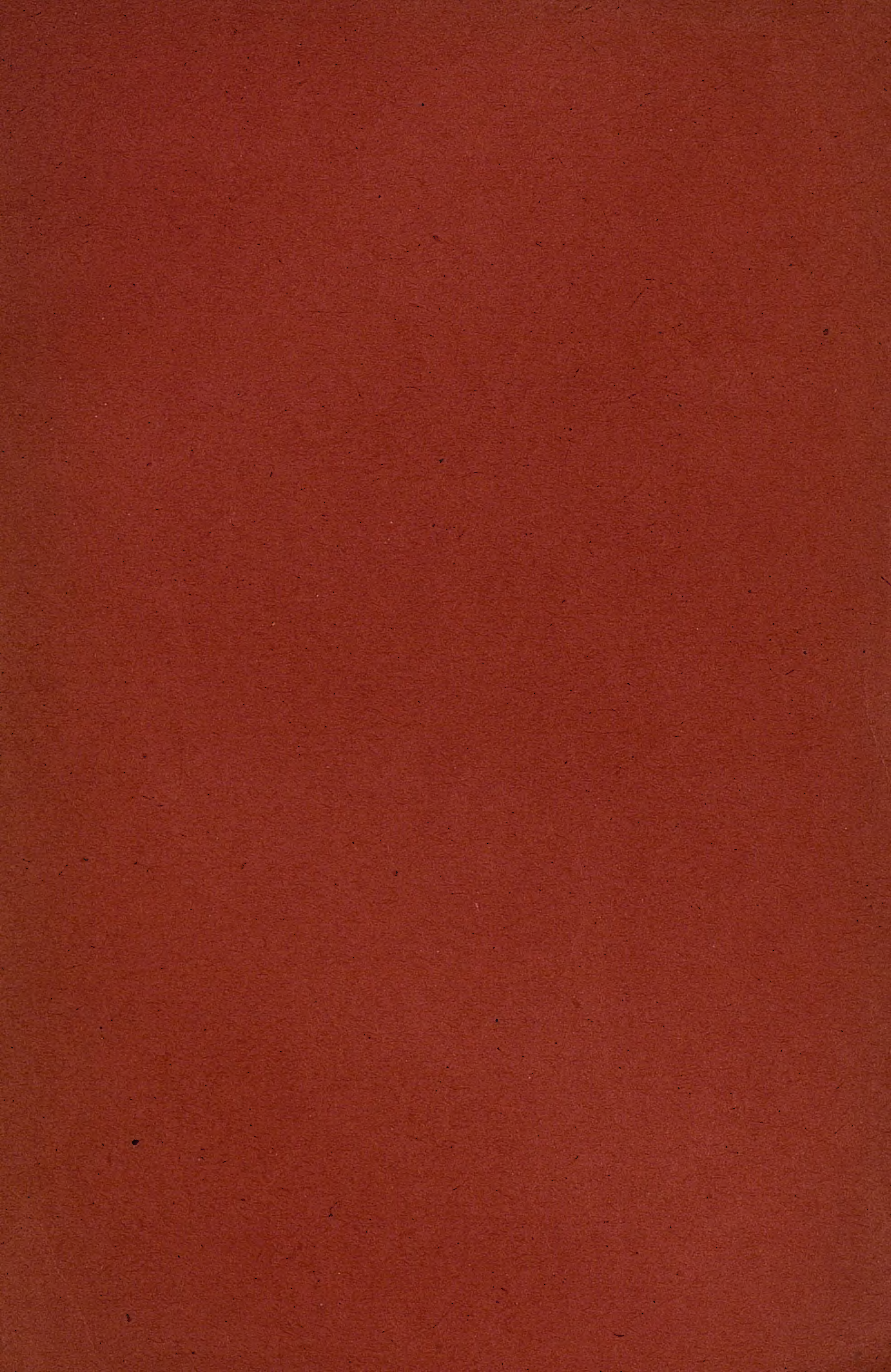
Мы считаем, что развитие клубной работы является, после ликвидации неграмотности, нашей ударной задачей в области карательной политики.

Для наилучшего разрешения задач, которые мы ставим себе в развитии клубной работы, эта последняя должна быть тесно связана с производственными работами. Соединение клуба с мастерской — в условиях тюремного быта является единственно правильным методом трудового и просветительного воспитания.

Оглавление

Стр.

Цена 30 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 5-45-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ" Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09